

© 2020. Н. А. Лобкова
Костромской государственный университет
г. Кострома, Россия

Из истории публикаций воспоминаний П. В. Анненкова об И. С. Тургеневе в «Вестнике Европы»

История публикаций воспоминаний П. В. Анненкова о Тургеневе в «Вестнике Европы» позволяет уточнить процесс оформления мемуарного жанра, понять принципы отбора материала автором. В статье рассмотрены наброски портрета писателя в очерках Анненкова «Замечательное десятилетие. 1838–1848» и в его заметках о Тургеневе в черновых материалах 1870-х гг. «Две зимы в провинции и деревне. С января 1849 по август 1851 года». Главное внимание в статье уделено воспоминаниям, созданным после смерти писателя: «Молодость И. С. Тургенева. 1840–1856», «Шесть лет переписки с И. С. Тургеневым. 1856–1862», «Из переписки с И. С. Тургеневым в 1860-х годах», опубликованным в журнале «Вестник Европы». В работе анализируются жанровые особенности мемуаров Анненкова, его отношение к письмам как фактическому источнику, подчеркивается его главное требование к автору биографического повествования — воспринимать личность, характер героя в целом, доверять ему. В статье раскрыты приемы создания образа Тургенева в мемуарах Анненкова, особенности композиции воспоминаний, дан комментарий к толкованию Анненковым этапов развития творчества писателя. Письма Анненкова к Тургеневу и к Стасюлевичу, редактору-издателю «Вестника Европы», уточняют характеристику художественной манеры Анненкова-мемуариста.

Ключевые слова: Анненков, Тургенев, Стасюлевич, воспоминания, переписка, портрет, биография.

Информация об авторе: Лобкова Нина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, Костромской государственный университет, ул. Дзержинского, д. 17, 156005, г. Кострома, Россия

E-mail: lobkova.nina.a@yandex.ru

Дата поступления статьи: 16.03.2020

Дата публикации: 17.06.2020

Для цитирования: Лобкова Н. А. Из истории публикаций воспоминаний П. В. Анненкова об И. С. Тургеневе в «Вестнике Европы» // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 2. С. 134–183. DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-134-183

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. **Nina A. Lobkova**
Kostroma State University
Kostroma, Russia

From the history of the memoir publications of Pavel Annenkov about Ivan Turgenev in “Vestnik Evropy” (Herald of Europe)

The article describes the history of Pavel Annenkov’s memoir publications about Ivan Turgenev in the magazine “Vestnik Evropy” (Herald of Europe) and analyses the development of the memoir genre and the choice of the material. The article describes the draft of Ivan Turgenev’s portrait in “The Extraordinary Decade” and the notes about Ivan Turgenev in the rough materials of the 1870s “Two Winters in the Province and in the Countryside from January 1849 to August 1851”. Special attention is paid to the memoir written after the death of the writer — “The Youth of I.S. Turgenev. 1840–1856” and “Six Years of the Correspondence with I.S. Turgenev. 1856–1862”, “From the Correspondence with I.S. Turgenev in the 1860s” — and published in the magazine “Vestnik Evropy”. The article tells about the role of the letters in the memoir structure and emphasises the main demand for the biographer to see the complete nature of the personage and to believe him. The article describes the principles of composition of the memoir and explains Pavel Annenkov’s interpretation of the periods of Ivan Turgenev’s creative work. The letters to Ivan Turgenev and Mikhail Stasyulevich (the editor and the publisher of the magazine “Vestnik Evropy”) define more precisely the basic principles of Pavel Annenkov’s memoir method.

Keywords: Pavel Annenkov, Ivan Turgenev, Mikhail Stasyulevich, memoir, correspondence, portrait, biography.

Information about the author: Nina A. Lobkova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Dzerzhinsky st. 17, 156005, Kostroma, Russia

E-mail: lobkova.nina.a@yandex.ru

Received: March 16, 2020

Published: June 17, 2020

For citation: Lobkova N. A. From the history of the memoir publications of Pavel Annenkov about Ivan Turgenev in “Vestnik Evropy” (Herald of Europe) // Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 2, pp. 134–183. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-134-183

Наблюдательность П. В. Анненкова, его такт, чуткая реакция на собеседника, внимание к деталям поведения, к искусству владения словом, своего рода внутреннее зрение позволили ему создать замечательные портреты современников: Белинского, Гоголя, Герцена, Бакунина, В. П. Боткина, Хомякова, Писемского. Воспоминания о Тургеневе дополняют наше представление о личности знаменитого писателя, позволяют уточнить позицию Анненкова в литературе второй половины XIX в. и жанровые особенности его мемуаров.

О природе литературного дара Тургенева и его отношении к миру Анненков писал ещё в статье «Замечательное десятилетие», опубликованной в №1–5 журнала «Вестник Европы» в 1880 г.¹ Рядом с «ярким гением» Белинского в 1840-е гг. началось «быстрое, ослепительное развитие художнического таланта в Тургеневе вместе с развитием качеств его нравственной природы» [Анненков 1983: 230]. Анненков отметил «независимость всех движений Тургенева, свободные переходы его от одного стана к другому, противоположному, от одного круга идей к другому, ему враждебному», что «было загадкой для строгих друзей его» и казалось им легкомыслием и слабохарактерностью [Анненков 1983: 327–328]. В атмосфере страстных прений «партий» — славянофильской и западнической — «не было возможности сохранить что-либо похожее на свободное мнение»; по словам Анненкова, «надо было выбирать между партиями», «обезличить себя» [Анненков 1983: 229]. После возвращения Тургенева из-за границы в мае 1841 г. в нем с первых шагов увидели «истого западника»; о произведениях Тургенева до «Записок охотника», как пишет Анненков, иначе не говорилось, как о чудовищных результатах «западного развития, пересаженных, без

¹ Все мемуарные статьи Анненкова, кроме последней, цитируются по изданию: Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. Статья «Из переписки с И. С. Тургеневым в 1860-х годах» цитируется по первому ее изданию в журнале «Вестник Европы». 1887. №1, 2.

всяких признаков таланта, на русскую почву» [Анненков 1983: 229]. Целая коллекция эксцентрических анекдотов о тургеневских поступках, жестах, высказываниях собиралась противниками и пускалась в ход с прикрасами и дополнениями. Болезненное действие на Тургенева «перестрелки между двумя центрами нашего развития» — московским и петербургским — смягчал Белинский, поверивший в недюжинную наблюдательность и оригинальность пути молодого автора. «Что мне за дело до всех анекдотов о нем, — говорил Белинский, — кто написал “Парашу”, тот сумеет поправить себя, в чем будет нужно и когда будет нужно» [Анненков 1983: 229–230].

В мае 1847 г. друзья Белинского, собрав деньги по подписке, отправили его по рекомендации врачей в Германию на лечение. Тургенев, находившийся тогда в Берлине, встретил его и приехал с ним в Зальцбрунн, куда через несколько дней прибыл из Парижа Анненков, отказавшийся от своих планов путешествия в Грецию и Константинополь, — поступок, глубоко тронувший Белинского. По наблюдениям Анненкова, у Белинского были любимые поговорки, к которым он привыкал. Горячие споры в Зальцбрунне с Тургеневым обычно начинались его добродушной «прибауткой»: «Мальчик, берегитесь — я Вас в угол поставлю». [Анненков 1983: 325]. «Мальчик Тургенев» (ему шел 29-й год) высказывал Белинскому, по словам Анненкова, «подчас очень жесткие истины», особенно об обстоятельствах, мешающих полному развитию человека.

В «Замечательном десятилетии» Анненковым определены особенности личности Тургенева: он «не мог останавливаться долго на одном решении и на одном чувстве — из опасения замешкаться и упустить самую жизнь, которая бежит мимо и никого не ждет. Им овладевал род нервного беспокойства, когда приходилось только издали прислушиваться к ее шуму. Он постоянно рвался к разным центрам <...> и стирал жаждой ощупать возможно большее количество характеров и типов» [Анненков 1983: 326–327]. «Изучение лица стояло у него всегда на первом плане; убеждения ценились не столько по своему содержанию, сколько по свету, какой они бросают на внутреннюю жизнь человека» [Анненков 1983: 331]. Именно эти качества Тургенева позволили ему стать, по мнению критика, «искателем душевных кладов, таящихся в недрах русского мира», «летописцем и историком умственных и душевных томлений всего своего времени» [Анненков 1983: 330, 329].

Анненков обратил внимание и на внутреннюю работу, которая происходила в Тургеневе: «Художником и психологом был он и по отношению к самому себе. Двойной анализ — эстетический и моральный, какому стал он рано подвергать самого себя, переработал всю его нравственную физиономию <...>. Европейская жизнь много помогла ему в этом труде над собой» [Анненков 1983: 331].

Этот «довольно редкий случай оценки писателя как человеческой индивидуальности при его жизни» [Долотова: 617] получил отклик и у самого Тургенева. Он писал Анненкову 26 сентября (8 октября) 1879 г.: «Стасюлевич был здесь перед отъездом в Петербург — и читал мне те места из Ваших воспоминаний, где дело идет обо мне. Я очень умилился и несколько удивился: ведь вот друг — а как глубоко запускает пальцы в душу... и ничего! Не больно. И фактически всё верно» [Тургенев. Письма 12, Кн. 2: 135]. После публикации воспоминаний Тургенев одобрительно отозвался о них и в письме к М. М. Стасюлевичу 7(19) мая 1880 г.: «Прочел я статью Анненкова в “Вестнике Европы”! Это просто чудесно. Меня он вывернул, как перчатку, показав мне самому всё моё сокровенное» [Тургенев. Письма 12, Кн. 2: 248].

Анненков намеревался продолжить записки, о чем он в декабре 1877 г. писал Стасюлевичу, ибо «переходная эпоха от 48 до 58 (вторая замечательная эпоха нашей литературы)» тоже хорошо ему знакома «со всеми её людьми и со всеми ее ошибками, бунтами втихомолку и раздумьем, как выйти из болота, породившими движение 60-х годов, продолжающееся и донныне» [Стасюлевич: 351]. Замысел не был осуществлен [Елизаветина: 647–653], но черновые заметки к очерку содержат краткую и точную характеристику обстановки в России в связи с революционными европейскими событиями 1848 г., воссоздают атмосферу всеобщего смятения, подавленности, страха после процесса Петрашевского и целого ряда арестов [Анненков 1983: 518–538].

В этих заметках прозвучала и тургеневская тема. Очевидно, Анненков задумал уточнить, дополнить описание знакомства с Тургеневым, не скрывая реальных обстоятельств. Он говорит о начальном периоде их сложных отношений вполне откровенно: «Мы были тогда далеко не друзьями» [Анненков 1983: 537]. Объяснение Анненковым причин трудного сближения выполнено беспристрастно [Долотова: 614–615], он пишет об обоюдной антипатии их друг к другу: недоверие, подозрительность — с одной стороны, насмешки и эпиграммы — с другой. Тур-

гениев, по словам Анненкова, «вырабатывал себе нравственный характер с чрезвычайным трудом»; «Он явился из Парижа такой амальгамой любезнейших качеств души и ума с ребяческими пороками — лжи, кокетничанья собою», что невозможно было относиться к нему «с определенным чувством и определенным суждением» [Анненков 1983: 537]. В равной степени Анненков обвинял и себя, считая, что он «был груб и не прав» перед Тургеневым, с трудом освобождаясь от «дерзкой <...> охоты к глумлению над людьми», «от склонности считать пустяками чужую душу и относиться к ней с молодечеством» [Анненков 1983: 537–538]. Годы холодности, «горького высматривания истин друг друга» сменялись возвращением веры в то, «что есть какая-то непреодолимая связь», которая мешает им «разойтись хладнокровно в разные стороны» [Анненков 1983: 538].

В очерке Анненкова «Молодость Тургенева» («Вестник Европы», 1884, №2) парадоксы его поведения — аристократические «шалости», «склонность к эффекту» [Анненков 1983: 390], «себявыставление» [Анненков 1983: 538] — получили иное освещение: изменился подход автора к теме. Анненков рассматривает молодые годы Тургенева в контексте всей его жизни [Кулешов: 28]. Статья начинается с перечисления восторженных оценок тургеневского творчества знаменитыми писателями Европы; названы Ж. Занд, Флобер, Карлейль, Тэн, Доде, Золя, Мопассан, Ренан, Шмидт, Пич и др. По словам Анненкова, значение, какое Тургенев получил между «тремя мирами — романским, германским и русским, которых знал одинаково хорошо» [Анненков 1983: 369–370], стало результатом напряженной внутренней работы. Историю развития тургеневской личности Анненков начинает с первой мемуарной статьи о нём — «Молодость Тургенева»; он видит в этом периоде скрытый подготовительный процесс рождения большого писателя. «Проделки его молодости», как писал Анненков Стасюлевичу в декабре 1883 г. [Стасюлевич: 423], автор воспоминаний воспринимает теперь как проявление «бессознательного творчества», наивно-детской ребяческой выдумки. «Удивительно, что он только малой частью был виноват в упреках, которые ему делали. Богато наделенный природою даром фантазии, воображения, вымысла, он по молодости лет не умел с ними справиться и позволил им сделаться своими врагами, вместо того чтобы держать их в качестве своих слуг» [Анненков 1983: 372]. «Цели юного Тургенева были ясны: ...произведение *литератур-*

ного эффекта и достижение репутации *оригинальности*. В этом заключается и ключ к их правильному пониманию» [Анненков 1983: 373]. В то время, по словам Анненкова, «самым позорным состоянием, в какое может попасть смертный», Тургенев считал «то состояние, когда человек походит на других». «Он спасался от этой *страшной* участи, навязывая себе невозможные качества и особенности, даже пороки, лишь бы только они способствовали к его отличию от окружающих» [Анненков 1983: 373].

Оберегая свою независимость, молодой Тургенев, как пишет мемуарист, «умел мастерски скрывать своё положение». «Никто из друзей не догадывался о скудости его средств в это время», «никому в голову не могла прийти мысль, что по временам он нуждался в куске хлеба». До получения наследства в 1850 г. он, по словам Анненкова, вел «жизнь богемы знатного происхождения, аристократического нищенства» [Анненков 1983: 386]. «Впрочем, — продолжает Анненков, — он никогда не терял надежды сделаться большим баринком и однажды, несмотря на свои лишения, обещал Белинскому 100 душ крестьян, как только представится возможность. Белинский принял в шутку подарок. «Жена, — закричал он, — иди благодарить Ивана Сергеевича: он нас помещиками делает» [Анненков 1983: 386]. Внешний, «напускной» характер поведения молодого автора становится очевидным при обращении к тургеневскому творчеству этих лет, к его главной, внутренней жизни: Анненков не признает «ни малейших признаков фальши» даже в ранних стихотворениях Тургенева, он видит в них внутреннюю правду «мысли и ощущения, которой он научился у Пушкина» [Анненков 1983: 373].

Психологический портрет писателя в очерке «Молодость Тургенева» помогает понять секреты мастерства Анненкова-мемуариста. Он учитывал не только исторические обстоятельства и политические, философские взгляды своих персонажей, но и особенности характера, душевный строй человека. набросок портрета Тургенева в «Замечательном десятилетии» и в черновых заметках конца 1870-х гг. вырастает в подробное повествование о нем. Анненков вникает в «непримиримый, сознательный, постоянный разлад», какой воцарился в отношениях сына с матерью Варварой Петровной Тургеневой [Анненков 1983: 375, 377–379, 386]. Уделил внимание Анненков и «меланхолическому оттенку» в жизни Тургенева, формированию в его сознании высокого пред-

ставления о женской душе и женской любви [Анненков 1983: 381–382]. Воззрение Тургенева на русский женский характер как на воплощение «нравственной силы в обществе» подтверждают, по словам Анненкова, его повести 40-х годов [Анненков 1983: 379], «тот Олимп, который он населил благороднейшими женскими существами». Тургенев «сделался идолом прекрасной половины человеческого рода», но «сам он страдал сознанием, что не может победить женской души и управлять ею: он мог только измучить ее» [Анненков 1983: 382].

Упомянув общеизвестные причины ареста Тургенева в 1852 г., Анненков подчеркнул его отношение к этому факту: «... он отзывался всю жизнь о событии без малейшего признака злобы, без чувства оскорбленной личности, почти равнодушно»; арест на месяц — это была «простая полицейская мера», не раз употреблявшаяся и прежде «для обуздания» писателей [Анненков 1983: 388]. Тяжелее было вынести ссылку под надзор полиции в Спасское, сроки которой не были определены. Тургенева раздражала невозможность располагать собою, что подтвердила его самовольная поездка в Москву по подложному паспорту, «к изумлению и ужасу» его приятелей [Анненков 1983: 389]. Анненков не раскрыл реальных обстоятельств этого факта: Тургенев приезжал в Москву, чтобы увидеться с Полиной Виардо¹; он был в Москве десять дней в марте 1853 г. [Долотова: 625]. Эту сугубо личную тему Анненков не считал возможным затрагивать в воспоминаниях.

Несколько фраз в статье об окончании тургеневской ссылки напомнили о тягостной атмосфере последних лет правления Николая I; подробности освобождения Тургенева, конечно, были известны Анненкову. О помощи гр. А. К. Толстого многим опальным литераторам хорошо известно; Толстой был в близких отношениях с великим князем Александром Николаевичем, будущим Императором². Благодаря содействию А. К. Толстого Тургенев получил положительный

¹ О рискованной поездке Тургенева в Москву во время ссылки см.: Лебедев Ю. В. Жизнь Тургенева. Всеведущее одиночество гения. М.: Центр-полиграф, 2006. С. 243–244.

² Об обстоятельствах сближения А. К. Толстого с цесаревичем (будущим Императором) Александром Николаевичем и о его помощи впоследствии опальным литераторам см.: Роднянская И. Б. Толстой Алексей Константинович // Русские писатели 1800–1917. Т. 6. М. — СПб., 2019. С. 238–241.

ответ на официальное прошение¹ о разрешении выезда в столицы с *признанием своей вины* — эти слова Анненков подчеркнул курсивом [Анненков 1983: 389]. Другого выхода из этой ситуации в те годы не существовало. Анненков имел собственный опыт единоборства с административной системой почти в то же время: в 1854 г. ему пришлось защищать в главном правлении цензуры издание сочинений Пушкина в полном составе. Эту красноречивую историю Анненков изложил в статье «Литературная тяжба» («Вестник Европы», 1881, №1), с описанием, по его словам в письме к Стасюлевичу, «балета, который тогда протанцевала С-Петербургская цензура» [Стасюлевич: 391]. «Вина» Тургенева, — тоже литературного характера, — состояла в публикации в Москве некролога о Гоголе, не разрешенного к печати в Петербурге. Но была, по общему признанию, ещё одна причина ссылки — выход отдельной книжкой в 1852 г. «Записок охотника», после чего был уволен от должности цензор князь В. В. Львов. Анненков убежден: «... и администрация, и публика одинаково смотрели тогда на сочинение Тургенева как на проповедь освобождения крестьян» [Анненков 1983: 385]. К 1880-м гг. эти известные события были уже «пережиты». Для Анненкова была важна их нравственная оценка; факт освобождения Тургенева был преподнесен в мемуарах с грустным юмором. Автор воспоминаний приводит эпизод с тургеневских слов: после заключения парижского мира 1856 г. старый князь Орлов, бывший шеф жандармов, «дружески знакомясь» с Тургеневым «и целуя его в лоб», промолвил: «Кажется, Вы не имеете причин сердиться на меня». Анненков продолжает: «Действительно, никто не сердился, начиная с потерпевшего, на событие. Разве можно сердиться на установившиеся нравы и обычаи, против которых не слышится и протеста общественной совести?» [Анненков 1983: 389].

В статье о молодом Тургеневе Анненков отметил его острый интерес к обществу, к людям самого разного положения и образа мыслей: это могли быть люди с громкими именами и никому не известные [Анненков 1983: 382–385]. «...нельзя было никогда угадать, куда увлечет его голова, работающая в различных направлениях, но можно было указать, зная его прямое сердце, место, где он остановится. Было что-

¹ См. письма Тургенева великому князю Александру Николаевичу, управляющему III отделением Л. В. Дубельту, шефу жандармов гр. А. Ф. Орлово [Тургенев. Письма 2, Раздел Официальные письма: 381–385].

то женственное в этом сочетании решимости и осторожности, смелости и расчета, одновременной готовности на почин и на раскаяние, сообщавшее прелесть его меняющемуся существованию» [Анненков 1983: 381]. Определяя характер молодого Тургенева, его желание примерять «к себе множество ролей» и способность быстро забывать о них [Анненков 1983: 375], Анненков вспоминает персонажей произведений европейских авторов, их имена прозвучали в статье — Манфред, Дон-Жуан, *всемирный ребенок* *Weltkind* (так называет Шиллер героя трагедии Гете «Эгмонт») [Анненков 1983: 376, 381]. Подобные наблюдения содержатся в записках Н. А. Тучковой-Огаревой: вспоминая о знакомстве в Париже в 1848 г. с Анненковым и Тургеневым, рассказывая о странностях, дурачествах Тургенева, о его склонности «к представлениям», она воссоздает эпизод встречи с ним через несколько лет в Петербурге, после ее замужества, когда он попросил Огарева познакомиться его с женой — произошла «какая-то сцена из “Онегина”» [Воспоминания: 144]. Странности Тургенева в записках Н. А. Тучковой отмечены как его чудачества; Анненков в воспоминаниях дал этим фактам психологическое объяснение.

В том же июне 1848 г. Анненков и Тургенев стали очевидцами революционных событий в Париже; мемуарист пишет о замечательной способности Тургенева «подмечать характерные общественные явления, мелькавшие у него перед глазами», что позволило писателю позднее, в 1870-е гг. создать очерки о французской революции поразительной верности [Анненков 1983: 388].

Анненков уловил черты характера молодого Тургенева: «...ему было свойственно стремление к переживанию жизни как можно более яркому, полному и непосредственному, не скованному ни соображениями рассудка, ни излишними нравственными обязательствами» [Долотова: 623]. В то же время любовь к игре и эпиграмме, по словам Анненкова, соединялась в Тургеневе с добротой сердца, с недоверием к себе, с потребностью в критике: «Он нуждался в помощи и благорасположении»; «Он радовался всякому разбору своих произведений, выслушивал его с покорностью школьника, обнаруживая и готовность исправления. Одного замечания о неуместности сравнения Хоря и Калиныча с Гете и Шиллером, допущенного им, было достаточно, чтобы сравнение осталось только на страницах “Современника” 1847, где впервые явилось, и не перешло в следующие издания». Только со временем и возрастом

успеха «приобретает он более правдивый, твердый, уверенный взгляд на самого себя» [Анненков 1983: 381].

Анненков повторяет важную мысль, прозвучавшую в «Замечательном десятилетии», — о нежелании молодого литератора принять доктрины кружков: Тургенев стремился «оградить себя от разного вмешательства посторонней силы в дела своей души, в свободное, независимое цветение своей мысли и фантазии» [Анненков 1983: 376]. Эта черта его личности близка мемуаристу: «И Анненков, и Тургенев больше всего дорожили свободой, не примыкая ни к каким “партиям” и не разделяя никаких догм. <...> Главным для друзей была любовь к искусству...» [Мостовская: 290]. Талант художника был для Тургенева высшей ценностью; о беспристрастии и терпимости Тургенева и в молодые годы говорит его отношение к Островскому и Писемскому — этих сотрудников журнала «Москвитянин» он ввел в круг петербургских литераторов [Анненков 1983: 389].

Коротко, как о материале известном, Анненков упомянул о тургеневской «лепте» в дело основания «Современника» Панаевым и Некрасовым, о сборнике статей, купленном у Белинского для нового журнала; «Тургенев был душой всего плана, устройтелем его, за исключением, разумеется, личных особенностей, введенных в него будущими издателями, с которыми делил покамест все перипетии предприятия. Некрасов совещался с ним ежедневно» [Анненков 1983: 386-387]. Характерно в этой фразе уточнение о «личных особенностях», то есть особенностях личности будущих издателей, но пока все участники предприятия действуют в согласии. Отмечен в статье рассказ «Хорь и Калиныч» как блестящая тургеневская «путеводная звезда, восходящая на горизонте». «Дождавшись первой книги “Современника” на 1847 год, Тургенев выехал за границу». Одной фразой Анненков напомнил о замечательных сочинениях, вышедших в то время: «Удивительный был этот 1846 год»; по странной случайности «тогда были кончены и опубликованы “Обыкновенная история” И. А. Гончарова, “Бедные люди” Ф. М. Достоевского, “Антон Горемыка” Д. В. Григоровича — произведения, открывавшие новые дороги талантам и возвещавшие цветение литературы в скором будущем», что не оправдалось из-за наступивших вскоре событий [Анненков 1983: 387].

Подчеркнут факт, важный в творческой и личной биографии молодого писателя, — его прибытие в 1847 г. «в Зальцбрунн с больным Белинским»: «Тургенев писал тогда “Бурмистра” и прилежно учился по-испански» [Анненков 1983: 386–387]. За подробностями Анненков отсылает читателей к своей статье «Замечательное десятилетие».

Долгая, невидимая работа Тургенева над собой, безотчетная, «в силу одного своего тяготения к добру и истине», имела, как пишет Анненков, свои результаты. «Порывы фантазии, жажда говора вокруг его имени, безграничная свобода языка и поступка — всё приходило в нем или складывалось на наших глазах в равновесие» [Анненков 1983: 393]. По словам Анненкова, Тургенев «успел — к половине долгой жизни — привести нравственную природу свою в такое соответствие с благородством писательских своих помыслов и творчества вообще, что они составили вместе один образ» [Анненков 1983: 369].

Именно этот целостный образ Тургенева в сознании Анненкова определил содержание, интонацию его воспоминаний «Шесть лет переписки с И. С. Тургеневым. 1856–1862» («Вестник Европы» 1885, №3–4). По убеждению Анненкова, главное требование к автору биографического повествования — понимать особенности личности героя: «Живой характер, глубоко обдуманый и искренне переданный, носит уже в себе самом пояснение и оправдание всех жизненных подробностей, как бы разнообразны, противоречивы или двусмысленны ни казались они, взятые врозь и отдельно друг от друга». «Физиономия его <...> должна освещаться сама собой, своим внутренним огнем» [Анненков 1983: 58]. Это правило Анненков сформулировал в «Воспоминаниях о Гоголе», напечатанных в февральской книжке 1857 г. «Библиотеки для чтения»¹: «...для биографа чрезвычайно важно смотреть прямо в лицо герою своему и иметь доверенность к его благодатной природе» [Анненков 1983: 58]. Тургенев, прочитав гоголевскую статью Анненкова, писал ему из Парижа 4(16) марта 1857 г.: «...не могу удержаться, чтобы не сказать Вам великое спасибо... Не говоря уже о том, что подробности о Гоголе драгоценны, то, что Вы говорите об обязанностях биографа, о целостном понимании характера и т. д. — золотые слова...» [Тургенев. Письма 3: 102]. Этому правилу биографического повествования Анненков следовал во всех своих мемуарных заметках.

¹ В издании литературных воспоминаний Анненкова статья называется «Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года».

В воспоминаниях Анненкова 1885 г. «Шесть лет переписки» личность Тургенева освещается «сама собой, своим внутренним огнем» — по его письмам к автору мемуаров. Анненков предоставил читателю возможность войти в ближнее окружение Тургенева, услышать голос любимого писателя, его интонации, шутки, мнения по различным поводам. В комментариях к письмам Анненков разъясняет обстоятельства литературных и политических событий, в них упомянутых, уточняет отношение к ним Тургенева. Анненков понимал, как опасно выстраивать свои заключения на основании писем: «Каждая переписка заключает в себе столько случайных настроений автора, <...> что часто приговоры ее о людях и вещах противоречат действительному их значению». Об этом он размышлял в той же статье «Шесть лет переписки», когда коснулся темы «устранения распри» Тургенева с Толстым. Но зная «сущность коренных нравственных основ» своего друга, он был уверен, что избежит ошибочных выводов и сумеет различить «мимолетные увлечения его пера» от «чистосердечных откровений» [Анненков 1983: 456–457].

Статья «Шесть лет переписки» начинается с момента, знаменательного для России: 26 августа 1856 г. состоялась коронация Александра II. В этом году, по словам Анненкова, происходит и поворот в судьбе Тургенева. В августе 1856 г., впервые после ареста и ссылки, он уезжает в Париж. Упомянув о шумных спорах вокруг романа «Рудин», о так называемом «обязательном соглашении» четырех литераторов с редакцией «Современника» и довольно быстром нарушении этой «конвенции», Анненков отметил, что после отъезда Тургенева в Париж «всю зиму 1856/57 г. не было о нем ни слуха ни духа» [Анненков 1983: 398]. Это не совсем так. Анненков знал о тяжелом душевном состоянии Тургенева из его писем к общим друзьям и из тургеневских писем в его собственный адрес, не включенных, однако, в воспоминания¹. Анненков предпочел обозначить некий «пропуск» в их переписке. Ещё по поводу нескольких страниц в «Замечательном десятилетии» Тургенев был благодарен Анненкову за человеческий такт: «Спасибо также за то, что Вы не указали на один (и главнейший) мотив моих тогдашних поступков, внезапных отъездов и т.п. Он в публичность не годится» [Тургенев. Письма 12, Кн. 2: 135]. Тур-

¹ В 3-м томе академического издания писем Тургенева (1961) это письма №№ 509, 513, 518, 526, 528, 533, 539, 543.

гевен имел в виду свои отношения с Полиной Виардо. Как видно из решения Анненкова, тургеневские переживания зимой 1856–1857 гг. тоже не годились «в публичность»¹.

Анненков продолжил свои воспоминания в статье «Шесть лет...» с сентября 1857 г., когда к Тургеневу вернулась прежняя реакция на события. В письме от 23 сентября (5 октября) Тургенев сообщил Анненкову, что изумлен, получив от Некрасова предложение участвовать в альманахе в пользу семейства Белинского: «Я глазам не верю — неужели позволили наконец альманах с именем Белинского на заглавном листе и с отзывами о нем! Как бы то ни было — я с восторгом впрягаюсь в эту карету и буду везти из всех сил» [Анненков 1983: 398]. Весьма показательна, по мнению Анненкова, искренняя радость его друга по поводу явных перемен в общественной жизни России. Тургенев собирався вернуться домой, в Россию, но планы внезапно переменились, — эта внезапность поступков тоже, по мнению Анненкова, характерная черта его друга. Объясняя своё решение уехать в Рим, Тургенев писал: «...после всех моих тревожений и мук душевных, после ужасной зимы в Париже — тихая, исполненная спокойной работы зима в Риме, среди этой величественной и умиряющей обстановки, просто душеспасительна» [Анненков 1983: 399].

Можно услышать в этом письме ответ Тургенева на письма друзей, которые звали его в Петербург. Вернуться к любящим друзьям звал его и Анненков в письме от 29 декабря 1856 г. (10 января 1857 г.): после шуточного определения взгляда на мир каждого, кто участвовал в *мудрых* обедах Боткина (Дружинин, Писемский, Л. Толстой, Панаев), прозвучала характеристика адресата: «Нам недостает только Вашего *элемента*, и мы часто об нём поговариваем и призываем его. Нет у нас Вашего блеска, фосфора и лёгкого дымочка, который предвещает горение, но не есть оно само и никакой опасности не подвергает. Но шутки в сторону — при сходках наших Вы постоянно у всех на уме и на языке. Да хоть весь мир исколесите — не найдете Вы друзей, более любящих Вас» [Анненков 2005: 51–52]. Однако Тургенев был намерен работать: «В Петербурге мне было бы хорошо со всеми вами, друзья мои, — но о работе нечего было бы думать; а мне теперь, после такого

¹ О любви Тургенева к Полине Виардо см.: [Лебедев: 154–161]; о драматических событиях в жизни Тургенева парижской зимой 1856–1857 года см.: [Лебедев: 321–323, 326–328].

долгого бездействия, предстоит либо бросить мою литературу совсем и окончательно, либо попытаться: нельзя ли ещё раз возродиться духом?» [Анненков 1983: 399].

В мемуарном очерке Анненков сразу переходит к тургеневским впечатлениям от Рима. Однако письма Анненкова к Тургеневу 1857 г. позволяют заглянуть в период, предшествующий Риму, и понять, почему мемуарист умолчал об этом времени в воспоминаниях.

Анненков одобрил решение Тургенева ехать в Рим — в письме от 25 января (6 февраля) 1857 г.: «...от души говорю за себя и за всех — бегите Вы в Италию, куда хотите <...> чтобы Вы были здоровы; нам необходима прекрасная, романтическая и поэтическая безалаберщина вашей жизни». Дружеская интонация позволяет совместить серьезную мысль с шутливым упреком: «Вы в литературе нашей представляете олицетворенное чутьё современности. За это прощаются Вам все ваши бесчисленные измены самому себе, другим, делам и лицам. Вы колоссальный изменщик, делающийся всё любезнее сердцу после каждого пируэта, потому что после каждого пируэта Вы ближе к правде, к истине в труде и проч., чем прежде» [Анненков 2005: 54]. Следующее письмо передает тревогу и растерянность Анненкова: «Что с Вами, что с Вами? Болезнь, хандра, самоненавидение — и все оттого, что спутались в счете своей жизни и своих лет. Порываетесь как в 20 лет, затеваете как в 18, страдаете как в 25, ужасаетесь как в 50; а в свою точку никогда не попадаете. Да, Бог с Вами — пожалуй, еще рассердитесь, как гимназист, и обругаете меня» [Анненков 2005: 56]. И Анненков обращается к тому, что поддается анализу, — Тургенев прислал ему «Поездку в Полесье», высказав сомнение: «...мне кажется, что я в этом рассказе слишком расстегнулся, то есть слишком даю читателю заглянуть в свои непотребные и неопрятные кишки. Если и Вам это покажется, то прошу Вас не давать этого рассказа в печать» [Тургенев. Письма 3: 58]. Подробного разбора рассказа Анненков не дает, но в целом его одобряет: «Личный осмотр себя и приличен, истинен и не пошл» [Анненков 2005: 56]. «Поездка в Полесье» — воплощенное в слове, в сюжете, в колорите то состояние автора, которое встревожило Анненкова.

В одном из писем к Тургеневу Анненков размышлял о двух типах интеллектуального и художественного осмысления жизни: «... на известных ступенях нужен мираж, а на других — дело, — и всякий берет, что ему нужно». В настоящий момент «поле остается вполне за *дельца*

ми» (курсив Анненкова — *Н. Л.*), что приводит «в отчаяние всех, играющих волшебными фонарями» [Анненков 2005: 57]. Примером игры «волшебными фонарями» может быть тургеневская повесть «Ася», которая потрясла и глубоко тронула Анненкова. «Повесть ваша пронесется по нынешней *звериной* литературе нашей, как благовест», — пишет он Тургеневу [Анненков 2005: 63]. По словам Анненкова, современным любителям грубейших нравов будет недоступен тонкий рисунок характера Аси, останется неясной тайна ее души, но от нее будет исходить некая «электрическая атмосфера»: «не будут знать, откуда обаяние, но будут его чувствовать и от него отбиваться, как от неразумной вещи». Одно замечание в коротком отзыве Анненкова приближалось к «реальному» объяснению сюжета Аси: «Холопско-благородная кровь, которая течет в ее жилах, для меня достаточно объясняет внезапное ее сумасшествие любви <...>. Понятнее окажется лицо героя, потому что в нем более будничной правды». Но в целом повесть ближе к волшебному сочинению и Анненков переходит на язык музыки: «Снова дали Вы душе моей либретто, на котором внутри себя строится большая, большая опера. Оперы Вы, по обыкновению, не написали <...>, но либретто чудное, глубокое и поэтическое» [Анненков 2005: 63]. В критической статье «Литературный тип слабого человека. По поводу тургеневской “Аси”» Анненков выступит в защиту исторической роли дворянских героев в русской литературе, оспаривая отрицательные выводы Чернышевского в статье «Русский человек на rendez-vous» о «Ромео» из повести «Ася» и о его литературных предшественниках. Возможно, именно потому, что «Ася» стала предметом отдельной критической статьи, Анненков не затронул ее в мемуарах, только упомянув о ней в конце статьи среди других шедевров Тургенева.

Письма Анненкова отчасти восполнили заявленный мемуаристом «пропуск в переписке», не нарушив его замысла — следовать образу писателя, в котором «в равновесии» соединились черты личности и высокие идеалы творчества. Драматические моменты в жизни Тургенева, о которых пойдет речь в дальнейшем повествовании Анненкова, добавили живых ярких красок к этому образу.

Римские письма Тургенева носили, по выражению Анненкова, «меланхолический оттенок», — мемуарист имел в виду его жалобы на судьбу, на здоровье: «...ему мерещились исключительные бедствия» по причине «неустанно работавшего воображения»; «...с 1857 года Тур-

генов стал думать о смерти и развивал эту думу в течение 26 лет, до 1883 года, когда смерть действительно пришла, оставаясь сам все время, с малыми перерывами, совершенно бодрым и здоровым»; «кроме бронхитов и простудных воспалений горла — наступила эпоха ужасов перед холерой, когда он не пропускал почти ни одной значительной аптеки в Москве, Петербурге, Париже и Лондоне, чтобы не потребовать у них желудочных капель и укрепляющих лепешек»; иногда «он считал себя то укушенным бешеной собакой, то отравленным и сам смеялся над собой, когда припадок его проходил» [Анненков 1983: 403]. Эти наблюдения мемуариста — результат многолетнего общения с писателем; в письмах к Тургеневу Анненков тоже частенько иронически воспринимал мнимые болезни своего друга.

В Риме Тургенев познакомился с Александром Ивановым, замечательным живописцем, видел его картину «Явление Христа народу»¹, которая, по словам писателя в письме к Анненкову, «по глубине мысли, по силе выражения, по правде и честной строгости исполнения вещь первоклассная. Недаром он положил в нее 25 лет своей жизни» [Анненков 1983: 400]. Тургенев увидел в картине А. Иванова «знак к противодействию Брюлловскому марлинизму», считая Брюллова в искусстве и Марлинского в литературе близкими явлениями. В письме Тургенева от 1 (13) декабря 1857 г. нападки на Брюллова были ещё сильнее: «Брюллов — фразер без всякого идеала в душе, этот барабан, этот холодный и крикливый ритор — стал идолом, знаменем наших живописцев!» [Анненков 1983: 406]. Тургеневские «страшные “при” с русскими художниками» Анненков предпочел в воспоминаниях не комментировать, ибо Тургенев отвечать уже не мог. Но Анненков заметил: в презрительной оценке Брюллова Тургенев «совершенно сходился с обычным своим возражателем В. В. Стасовым, который очень горячо и остроумно отстаивал перед ним право русских живописцев не уважать Рафаэля и итальянских идеалистов XVI столетия» [Анненков 1983: 404]. Показался несправедливым Анненкову и «суровый приговор Ивана Сергеевича: “плохо искусству в России”, — оно незаметно шло вперед». В защиту Брюллова Анненков подчеркнул его «смелый выбор тем и замечательную виртуозность при их исполнении» — «ка-

¹ Воспоминания об Александре Иванове, размышления о его таланте в очерке 1861 г. «Поездка в Альбано и Фраскати» будут позднее включены Тургеневым в «Литературные и житейские воспоминания».

чества, которые и сделали его имя необычайно популярным в среде соотечественников» [Анненков 1983: 404]. Размышления Анненкова на весьма специальную тему из истории живописи вызваны, вероятно, категоричностью тургеневских «приговоров» при общении писателя с русскими художниками в Риме.

Римские впечатления Тургенева позволили Анненкову отметить ещё одну важную черту характера своего друга. Анненков понимает тургеневское восхищение воздухом и светом Рима в письме к нему: «Каждый день совершается какой-то светлый праздник на небе и на земле; каждое утро, как только я просыпаюсь, голубое сияние улыбается мне в окна» [Анненков 1983: 405]. В то же время он уверен, что «Тургенев не мог быть жильцом Италии, как ни любил ее» — по «причине психической»: он не мог «заключиться в себе самом и довольствоваться анализом великих ощущений и мыслей, навеваемых Италией». В глазах Анненкова его друг — человек современной европейской культуры, «которому нужен был шум и говор большого, политически развитого центра цивилизации, интересные знакомства, неожиданные встречи, прения о задачах настоящей минуты» [Анненков 1983: 407]. Справедливость этого суждения, считает Анненков, подтвердил тот факт, что с 1858 г. Тургенев «уже более никогда не возвращался в любимый Рим, в превозносимую им Италию» [Анненков 1983: 408].

Значительным событием в судьбе Тургенева в эти годы Анненков называет успех романа «Дворянское гнездо»; после его появления в печати в январской книжке «Современника» 1859 г. репутация Тургенева «как общественного писателя, психолога и живописца нравов устанавливается окончательно» [Анненков 1983: 415]. Наблюдательный Анненков объясняет скрытую от внешних глаз способность Тургенева «в частых и продолжительных своих переездах обдумывать нити будущих рассказов, так же точно, как создавать сцены и намечать подробности описаний, не прерывая горячих бесед кругом себя и часто участвуя в них весьма деятельно» [Анненков 1983: 414–415]. Ещё одно профессиональное качество Тургенева подчеркнул Анненков: «Он не позволил отуманить себя общественными похвалами, а, напротив, ... взгляд его на самого себя приобретал особенную трезвость и ясность» [Анненков 1983: 416]. Тургенев не остался на «том же счастливом мотиве», какой принес ему колоссальный успех, — он тут же обратился к замыслу романа «Накануне» совершенно другого характера.

Тургеневские письма позволили Анненкову показать различные эмоциональные состояния своего друга, передать его восприятие европейских и российских политических событий, его оценки литературных явлений. Веселая насмешливость при описании военных торжеств в Париже в августе 1859 г., вызванная, по словам Анненкова, «плагиатами Наполеона III из императорского Рима» [Анненков 1983: 420], определила стиль и язык письма Тургенева, пересыпанного латинскими изречениями, — «не могу не говорить по-латыни» [Анненков 1983: 422]. От этого триумфа Тургенев сбежал в Виши, а потом в Куртавнель. От природы Тургенев был противником «всего деланного, официально праздничного, декоративного», — заметил Анненков, объясняя ироничное отношение его друга к национальному самолюбию французов, их самообожанию [Анненков 1983: 419]. Юмор смягчает категоричность суждений Тургенева, сообщает письму веселый колорит. Вспоминая, кого из русских он видел за границей, Тургенев особо выделяет Боткина шутливым сравнением: «Боткин тайком пробрался в Англию, кажется на остров Уайт, и не дает знать о себе. Коты так пробираются украдкой по желобам крыш» [Анненков 1983: 422]. В другом письме тема о. Уайт шутливо обыгрывается ещё раз; перечисляя всех русских, которые оказались в августе 1860 г. на острове или намерены были туда прибыть, Тургенев заключает: «Наша коллегия будет так велика, что, право, не худо бы подумать, не завоевать ли кстати этот остров?» [Анненков 1983: 435].

Анненков обратил внимание на выразительность образов друзей, приятелей и знакомых в тургеневских письмах. Л.Н. Толстой, его брат Николай Толстой, гр. Е. Е. Ламберт, В. П. Боткин, Я.П. Полонский, Т.Г. Шевченко, Марко Вовчок (г-жа М. А. Маркович), А.А. Фет, А.А. Слепцов и др. — имена соотечественников мелькают в текстах писем. По словам мемуариста, эти краткие портреты «никого оскорбить не могут»; в них Анненков видит «только незлобивое, остроумно-критическое отношение к личностям, во что обратилась его старая привычка определять их карикатурой» [Анненков 1983: 435].

Три драматических сюжета из жизни Тургенева этих лет вошли в воспоминания «Шесть лет переписки». Во всех трех конфликтных ситуациях для Анненкова более значимым был нравственный смысл события и эмоциональный след от него в душе Тургенева.

Подробно комментирует Анненков разрыв Тургенева с «Современником» и Некрасовым, рассматривая это событие в потоке других впе-

чатлений 1859–1860 гг., — очевидно, намеренно не давая его «в фокусе», чтобы сохранить ощущение реального течения жизни. Формальный разрыв Тургенева с издателями «Современника» происходит с появлением романа «Накануне», но, по мнению Анненкова, «полемика, возникшая позднее по поводу разрыва, преувеличила его размеры в такой степени, какой он сначала вовсе не имел» [Анненков 1983: 424]. «Не разность мнений была первой причиной разрыва с “Современником”, а отказ Тургенева отдать в журнал новую свою повесть и намерение прекратить вообще свои вклады в него» [Анненков 1983: 425]. Анненков явно учитывал прозвучавшие тогда же *мнения* об идейном расхождении Тургенева с «разночинными» авторами «Современника», но настаивал на своем объяснении личного характера размолвки писателя с редакцией журнала. Некрасов желал иметь повесть «Накануне» в своем журнале и по причине ее либерального содержания и потому, чтобы укрепить в публике мнение о дальнейшей принадлежности Тургенева именно к этому изданию. «Уговоры и обольщения, пущенные в ход Некрасовым», даже денежные предложения, были отвергнуты. Более того, Тургенев через несколько дней «потребовал в конторе “Современника” полного расчета за всё старое время», а счета эти, дружеского характера с 1847 г., были так запутаны, что было неясно, под бременем какого долга он состоит у Некрасова. «Другая сторона не торопилась исполнить его просьбу, может быть, и потому, что понимала выгоду, какую имеет всякий кредитор держать в некоторого рода зависимости своего должника». Счет был все-таки представлен. «Безропотное, покорное очищение его сделалось именно сигналом полного разрыва между старыми друзьями — Тургеневым и Некрасовым» [Анненков 1983: 425].

В письме к Анненкову из Спасского от 23 октября 1859 г. Тургенев упомянул, что Некрасов при встрече с ним в Петербурге, уже зная, что тургеневская повесть будет в «Русском Вестнике», просил позволения напечатать, что журнал получит от него какое-нибудь новое произведение. «Знаменитая, более остроумная и блестящая, чем неотразимо убедительная, речь Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», сказанная им в январе 1860 г. на вечере литературного фонда, явилась, по обыкновению, на страницах «Современника» [Анненков 1983: 427]. Это была последняя публикация Тургенева в «Современнике».

Анненков пытался приостановить наметившийся конфликт: он не выполнил просьбу Тургенева, не передал его «полунасмешливую, полу-

вызывающую» записку И. И. Панаеву в октябре 1860 г., текст которой приведен в статье. «Письмо осталось в моих бумагах. Я не отослал его по адресу из одного соображения: при разгоравшейся ссоре не следовало подкладывать ещё дров и раздувать пламя» [Анненков 1983: 430]. Однако «дипломатическое умолчание Анненкова» [Долотова: 633] не повлияло на ход событий. Уже наметившаяся «несовместимость» Тургенева с ведущими сотрудниками «Современника» привела к неизбежному результату.

Комментируя споры о «Накануне», Анненков специально выделил резко отрицательный отзыв о романе графини Ламберт, ещё до публикации, как весьма характерный и по существу и по реакции на него Тургенева, который тут же сообщил запиской Анненкову об этом «преоригинальном обстоятельстве»: гр. Ламберт «неопровержимо» доказала автору, что его роман «фальшив и ложен от А до Z» [Анненков: 423]. Тургенев, «болезненно прислушливый к мнениям о своих произведениях» [Лебедев: 251], был готов сжечь роман. «Через полчаса размышления сообща» — Тургенева с Анненковым — «Накануне» было спасено. Анненков объяснил, что графиня Ламберт, умная и чуткая почитательница тургеневского таланта, «не любила, чтобы искусство искало помощи и содействия политики, философии, чего-либо постороннего», и не допускала «увлечения болгарской идеей на Руси и особенно в женском сердце» [Анненков 1983: 424].

В спорах о романе «Накануне» после его публикации в «Русском Вестнике» публика разделилась на два лагеря: университетская молодежь, писатели, «энтузиасты освобождения угнетенных племен» одобрили либеральный, возбуждающий тон повести; но светская публика была встревожена, она жила спокойно и «ужаснулась настроению автора, поднимавшего повестью страшные вопросы о правах народа и законности» [Анненков 1983: 423]. Вдохновенная Елена, ее энтузиазм казались этой публике аномалией в русском обществе. Анненков процитировал популярное высказывание: «Это “Накануне” никогда не будет иметь своего завтра» (как уточняют комментаторы академического издания Тургенева, это были слова кн. П. А. Вяземского). Но повесть, по словам Анненкова, «дождалась своего завтра — и притом кровавого — через 17 лет, когда в самой Болгарии русская кровь лилась ручьями за спасение этой несчастной земли» [Анненков 1983: 423]. Размышления Анненкова позволяют сделать вывод, что политический

мотив в «Накануне» Анненков связывает именно с «болгарской идеей», не затрагивая тургеневского понимания этой идеи в контексте романа и русской ситуации 60-х гг.

Одной из причин разрыва Тургенева с «Современником» было, по мнению Анненкова, отрицательное отношение молодых сотрудников журнала к либеральным идеям и героям предшествующего периода общественной истории. Насмешки, «потешание» над самим Тургеневым в «Свистке» не задевали, не оскорбляли его, о чем он пишет Анненкову из Парижа в январе 1861 г., — «всё это в порядке вещей» [Анненков 1983: 453]. Но отрицание исторических заслуг деятелей минувших десятилетий, искажение молодыми критиками смысла произведений на эту тему Тургенева возмущало. Анненков цитирует тургеневское письмо из Парижа от 12 октября н.с. 1860 г., в котором он упоминает о «пассаже» с указанием страницы в июньском номере «Современника» текущего года: «г. Добролюбов обвиняет меня, что я преднамеренно на Рудина сделал карикатуру, для того чтобы понравиться моим *богатым* литературным друзьям, в глазах которых всякий бедняк мерзавец. Это уже слишком — и быть участником в подобном журнале уже не придется порядочному человеку» [Анненков 1983: 428]. Тургенев приписал Добролюбову рецензию Чернышевского на книгу Н. Готорна «Собрание чудес. Повести, заимствованные из мифологии»; не называя имени Тургенева, Чернышевский в своей статье оценил образ Рудина как пародию на Бакунина [Долотова: 633].

Подмена имени рецензента показательна: Добролюбов подчеркнуто иронически, пренебрежительно относился к Тургеневу. Статья Добролюбова о «Накануне» («Когда же придет настоящий день») стала конкретной причиной выхода Тургенева из «Современника». Революционное толкование Добролюбовым смысла сюжета искажало авторский замысел романа. В ситуации выбора («я или Добролюбов») Некрасов предпочел сохранить за журналом актуальное публицистическое направление. Позднее, в декабрьском письме 1861 г. к Анненкову Тургенев сожалел о смерти критика: «Огорчила меня смерть Добролюбова, хотя он собирался меня съесть живым. Последняя его статья <«Забитые люди»>, как нарочно, очень умна, спокойна и дельна» [Анненков 1983: 474].

Ещё одно доказательство, по мнению Анненкова, этических оснований разрыва Тургенева с «Современником» — объявление подпис-

чикам в журнале, что по причине «разности взглядов и убеждений» редакция отказалась от сотрудничества с автором «Записок охотника». Тургенев выступил с публичным опровержением редакционного сообщения в «Письме к издателю “Северной пчелы”». Впоследствии Тургенев сожалел о своей попытке внести ясность в это дело. Анненков процитировал несколько слов Тургенева на эту тему из его статьи 1868–1869 гг. «По поводу “Отцов и детей”», подчеркнув категорический призыв писателя: «Друзья мои, не оправдывайтесь никогда, какую бы ни взводили на вас клевету; не старайтесь разъяснить недоразумения, не желайте — ни сами сказать, ни услышать *последнее слово*. Делайте своё дело, а то всё перемелется...» [Анненков 1983: 430]. Дело всей жизни Тургенева — творчество; своему призванию художника он остался верен¹.

Итак, излагая историю выхода Тургенева из «Современника», Анненков настаивал на этических мотивах конфликта. Заканчивая этот сюжет, Анненков сообщил о покаянных настроениях Некрасова после разрыва с Тургеневым, другом молодости, что усиливало версию сугубо личностных причин события. «Если Тургенев каялся в своем вмешательстве в дело, касавшееся до него лично, то ещё в сильнейшей степени раскаивался и Некрасов в том, что начал его так смело и решительно». Выбор редактора «Современника» в пользу новых героев времени обеспечил громадную популярность журнала, но это «не мешало Некрасову сознавать грехи своей полемики». Анненков рассказал о нескольких визитах Некрасова к нему и о его покаянных воспоминаниях, о высказанном намерении «покончить эту безобразную (так он выразился) ссору». «Никто яснее Некрасова не видел собственных проступков и прегрешений и никто не следовал так постоянно по раз выбранному пути, хотя бы и осужденному его совестью. Это была странная настойчивость, которую подчас он старался искупить великодушием и готовностью на многочисленные жертвы. <...> он всю жизнь состоял под настоятельной потребностью самоочищения и искупления, не исправляясь от грехов, в которых горячо каялся» [Анненков 1983: 431].

И все-таки в конце статьи «Шесть лет переписки» после разговора о романе «Отцы и дети» Анненков признает, хотя и с оговорками, идейные основания разрыва Тургенева с «Современником»: его издатели «были отчасти правы, когда говорили, что разность мнений и убежде-

¹ О причинах разрыва Тургенева с Некрасовым см.: [Лебедев: 268–270].

ний понудила их расстаться с Тургеневым». Обсуждения причин разногласий осенью 1860 г. не прошли даром, в возражениях и объяснениях сформировался план романа «Отцы и дети» и «облик главного его лица — Базарова — с его надменным взглядом на человечество и свое призвание» [Анненков 1983: 476]. Тогда же было найдено «и меткое слово, хотя вовсе и не новое, но отлично определяющее» героя, его единомышленников и самое время — нигилизм. «Русская молодежь долго не могла простить Тургеневу этого слова»; немало огорчений это слово внесло в жизнь Тургенева, начиная с похвал «за счастливое выражение» и кончая «обвинениями в предательстве и отречении от своих убеждений» [Анненков 1983: 477].

Разграничить этические и идеологические причины разрыва Тургенева с Некрасовым и «Современником» невозможно. В воспоминаниях Чернышевского и других деятелей революционно-демократического направления общественной мысли даны социальные и идейные объяснения разногласий внутри «Современника». Это одна крайность. Анненков в воспоминаниях подчеркивает этические мотивы конфликта, хотя роман «Отцы и дети», по его мнению, возник именно в результате столкновения «мнений и убеждений» сторон. В некоторых биографических романах о Тургеневе эти полярные объяснения даны в едином сплаве. Как пишет Б. К. Зайцев, «новых людей, “разночинцев”, весьма лево устремленных, не мог не раздражать Тургенев своею барственностью, громадной просвещенностью, избалованностью, красноречием, французским языком салонов XVIII века, изяществом одежды, <...>, может быть, небрежной снисходительностью иногда, тоном «сверху вниз». А его задевало плебейство их, невоспитанность, грязные ногти, самоуверенность, иногда прямо наглость» [Зайцев: 280–281]. «Накануне» было началом; после «Отцов и детей» «Тургеневу предстояло пройти сквозь строй» [Зайцев: 282].

Рассматривает Анненков второй эпизод из жизни Тургенева того же времени, «немало огорчивший его», — «литературное недоразумение с романистом-художником Иваном Александровичем Гончаровым». Анненков останавливается только на выводах третейского суда 29 марта 1860 г., потребованного Тургеневым из-за обвинения его в литературных заимствованиях из произведений Гончарова. Анненков, один из экспертов, стал свидетелем глубокого нравственного переживания Тургеневым этой истории. Гончаров, казалось, остался доволен реше-

нием экспертов. «Не то, однако же, случилось с Тургеневым», который «дрожащим от волнения голосом» произнес своё заключение о прекращении дружеских отношений с Гончаровым. «Я помню каждое его слово, как и выражение его физиономии, ибо никогда не видел его в таком возбужденном состоянии», — Анненков полностью процитировал высказывание Тургенева: «То, что произошло между нами, показало мне ясно, какие опасные последствия могут являться из приятельского обмена мыслей, из простых, доверчивых связей. Я остаюсь поклонником вашего таланта <...>, но сердечного благорасположения, как прежде, и задушевной откровенности между нами существовать уже не может с этого дня» [Анненков 1983: 433]. Позже они помирились — в 1864 г. на похоронах А. В. Дружинина. Но это примирение, по словам Анненкова, «не могло восстановить вполне прежних добрых их отношений».

Третий сюжет 1861 г. — ссора с гр. Л. Н. Толстым — потребовал от мемуариста особой осторожности, так как, по словам Тургенева в одном из его писем к Анненкову, «дело висело на волосок от дуэли, и теперь ещё волосок не порвался» [Анненков 1983: 462]. Анненков признает противоречивость тургеневских объяснений причин ссоры и не оправдывает своего друга, просто приводит его письма на эту тему, дополняя их сведениями об отношении его противника к конфликту: Толстой был не намерен драться с Тургеневым, «чтобы не сделать их обоих сказкой читающей русской публики, которую он питать скандалами не имеет ни охоты, ни повода» [Анненков 1983: 462]. Тургеневских извинений Толстой, однако, не принял. В письме к Анненкову от 10 июля 1861 г. Тургенев упомянул о дуэли: «Нелепое мое дело с Толстым окончательно замерло, то есть мы окончательно разошлись, но драться уже не будем. То-то была чепуха! Но я повторяю, что *виноватым в ней был я*» (курсив Тургенева — Н. Л.) [Анненков 1983: 464]. Неожиданное обстоятельство прекратило дело, «которому и начинаться не следовало» [Анненков 1983: 463]: слух о распространении по Москве оскорбительного для Тургенева письма Толстого оказался чьей-то выдумкой. Любопытно сопоставить звучание этой темы в воспоминаниях Анненкова и в переписке друзей. Об угрозе дуэли Анненков в письме к Тургеневу от 29 июня (11 июля) 1861 г. высказался категорически отрицательно, с тремя восклицательными знаками: «Дуэль!!! Счастливый Вы человек, что можете иметь перед собой возможность дуэли за разноречие и антипатию». И продолжал с откровенной иронией: «Аристократическая

вещь — дуэль. И так аристократическая, что кроме графчиков дерутся только шулера, да офицеры после волосяной потасовки. С моей плебейской точки зрения, которая может сделаться, кажется, всесветской — дуэль может иметь место, когда вызовут человека или когда он дерется за другого, сестру, жену, мать, а не за себя»; «...известие о дуэли вызвало у меня ряд очень неприятных мыслей, которые со всей откровенностью и складываю в Вашу грудь» [Анненков 2005: 107–108]. Тургенев ответил не сразу, Анненков включил в статью его письмо от 6 (18 августа) 1861 г.: «О моей глупости с Т. (Толстым) говорить не стану, она давно упала в Лету, оставив во мне ощущение стыда и конфуза, которое возобновляется всякий раз, как только воспоминание коснется всей этой нелепой проделки. Мимо!» [Анненков 1983: 465].

Можно признать, что переписка более выразительна, чем изложение истории конфликта в воспоминаниях, — она сохраняет яркость субъективных переживаний. Сопоставление писем с мемуарами позволяет понять принцип отбора фактов Анненковым, механизм его собственной «цензуры»: воспоминания он создавал для истории русской литературы, он стремился сказать о своем друге, художнике и человеке, самое важное, следуя главному требованию к автору биографического повествования — видеть характер героя в целом, «иметь доверенность к его благодатной природе». Анненков не скрывал ошибочных, «неверных» поступков Тургенева, но был уверен, что «нравственная доблесть его превышала все его недостатки, и требовалось много усилий и громадное количество литературных и жизненных неприличий, чтобы из такого человека сделать себе врага и недоброжелателя» [Анненков 1983: 385].

Важнейшая тема воспоминаний «Шесть лет переписки» — «великий 1861 год, который своим днем 19 февраля, то есть днем уничтожения крепостного права, изменил всю нравственную физиономию России» [Анненков 1983: 445]. Анненков подробно освещает атмосферу в русском обществе, «напряженное состояние умов» в годы, предшествующие реформе. «Время, которое мы тогда переживали, — пишет Анненков, — было тревожное вообще как у нас дома, так и на Западе» [Анненков 1983: 440]. День 19 февраля 1861 г. и связанные с ним события — в центре внимания автора. Анненков цитирует тургеневское письмо из Парижа о нетерпеливом ожидании телеграммы из России и последующих сообщений о состоянии Петербурга

в этот день. По словам Тургенева, «великий указ, — указ, ставящий царя на такую высокую и прекрасную ступень» [Анненков 1983: 448], был воспринят в Париже с волнением и слезами умиления. Тургенев описывает «благодарственный молебен в здешней церкви», «очень умную и трогательную речь» священника Васильева; исторические имена присутствующих на службе усиливают впечатление: «Передо мной стоял Н. И. Тургенев и тоже утирал слезы... Тут же находился старик Волконский (декабрист). «Дожили мы до этого великого дня», — было в уме и на устах у каждого» [Анненков 1983: 450]. Тургенева удивила тишина в русской столице, о которой сообщил Анненков: «ни бешеного восторга, ни энтузиазма, достигающего границ анархии, — ничего подобного». «Петербург оставался совершенно покоен» [Анненков 1983: 447].

В переписке Анненкова с Тургеневым содержится более подробная информация об отношении к манифесту в Петербурге и в деревне. В письме Анненкова от 6 (18) марта 1861 г. прозвучали два контрастных мотива — душевного волнения автора, очевидца важнейшего исторического события, и безучастного отношения народа к этому событию. В день объявления манифеста, 5 марта, народ, по словам Анненкова, «не имел никакой физиогномии, кроме обыкновенной масляничной» [Анненков 2005: 103]. Манифест, подписанный царем 19 февраля «в величайшем секрете», 5 марта читали во всех православных церквях России. Анненков находился во Владимирской церкви, разослав своих приятелей в другие храмы Петербурга, так как он был «в секрете» и знал «о сюрпризе»; «езде произошло одно и то же, — рассказывал Анненков в письме. — Вышел поп после обедни, развернул печатный лист, народ вдруг притих, <...> и в мертвом молчании выслушали речь, составленную из помеси канцелярской редакции и ложнобиблейской витиеватости»; только в одном месте «церковь вся зашелестела», где манифест провозгласил: «Осени себя крестом, народ, и призови благословение Божие на свободный труд»; «голос попа Владимирского (честного человека, как видно) задрожал от слёз — и меня ... передернуло внутри, как и всех». В этот же день в утренней опере в антракте оркестр заиграл «Боже, царя храни», «все поднялось как один человек, три раза заставили повторить гимн и заглушили его криками ура. <...> Я никогда не чувствовал в себе такой умилительной преданности к царю, как в эту минуту»; день закончился «по балаганам и кабакам

наиболее привычным образом, как будто народ не получал никакого сюрприза, а только должное, ему следующее и задержанное слишком долго неисправным плательщиком»; смутился народ «от двух лет переходного состояния и ... от усиленного вразумления, что земля не его, а делается его только выкупом и приобретением» [Анненков 2005: 103–104].

В воспоминаниях Анненков дал короткое объяснение равнодушной встречи «со стороны народа громадного переворота в его судьбе»: умиление «совсем не составляло коренной народной принадлежности»; народ давно и постоянно, в течение 200 лет, ожидал восстановления отнятого у него права «свободно располагать собою» [Анненков 1983: 447]. Время манифестаций и контрманифестаций наступит позднее, когда настоящие результаты «Положения о крестьянах» скажутся вполне, когда они обойдут всю империю, когда обнаружится, в чем они противоречат «психическим особенностям народа» [Анненков 1983: 447]. Пока же манифест у «образованного» сословия вызвал разного рода реакцию: в Париже, по словам Тургенева, «господа русские путешественники очень взволнованы и толкуют о том, что их ограбили» [Анненков 1983: 450]. Более понятны Анненкову «слезы умиления», которые «пролились и в Париже почти одновременно с Петербургом». «Ник. Иван. Тургенев и князь Волконский имели основание проследиться ещё и потому, что мечты их молодых годов в эпоху царствования императора Александра I осуществлялись тогда, когда их самих уже ожидала могила» [Анненков 1983: 451]. После описаний событий «энциклопедически-панорамическим пером» Анненкова — такую характеристику дал его эпистолярному стилю Тургенев в своем письме [Анненков 1983: 448] — он признал «близорукость» ожиданий [Анненков 1983: 450].

Откровенные размышления Анненкова о ходе реформы в письмах к Тургеневу весной 1861 г. дополняют краткие сдержанные комментарии к событиям в воспоминаниях 1885 г. и подтверждают близость собеседников в их оценке. Объясняя недоумение крестьян, Анненков заметил, что сложные установки Положения «иногда идут наперекор» народным представлениям «о праве и собственности». И добавил: «Мерзости всегда подходили к нам исподтишка. Так подошло к нам, ползучи на животе, пядень за пяденью, и крепостное право; так подползет, пожалуй, и зависимость от земляного капитала» [Анненков

2005: 104–105]. Он упомянул о частных волнениях крестьян, «у которых в голове не сходятся понятия об уничтожении крепостного права с сохранением на два года его атрибута — барщины» [Анненков 2005: 106]. Новые подробности отношения крестьян к манифесту Анненков сообщил в летних письмах из своей деревни Чирьково в Симбирской губернии: «Что касается до мужиков, то я нашел их мрачными», «они смотрят, как люди, которых обсчитали»; «Политические права им даются у нас, как скрижали Моисею, при громе, молнии и вое бури»; «Крестьяне уже составили убеждение себе, что воля должна вводиться точно так, как рекрутский устав, переселение в Сибирь и ссылка на Амур — с отпором на одной стороне, кнутом и экзекуцией на другой...» [Анненков 2005: 107]. Явный отклик на суждения Анненкова слышен в июльском письме Тургенева из Спасского, включенном в воспоминания: «Но прежде всего — ни слова о крестьянском деле (хотя я очень Вам благодарен за доставленные подробности). Это дело растет, ширится, движется во весь простор российской жизни, принимая формы большей частью безобразные. И хотеть теперь сделать ему какой-нибудь путный *rezume* — было бы безумием, даже предвидеть задолго ничего нельзя. Мы все окружены этими волнами, и они несут нас»; «...мужички поняли одно, — что их бить нельзя и что барская власть вообще ослаблена», крестьяне «на новые свои власти смотрят странными глазами» [Анненков 1983: 464]. Так и пошло дальше: Анненков повторяет в ответном письме: «ни слова о крестьянском вопросе», тут же сообщая очередные факты «крестьянской демократии», признавая, что «социальная идиллия всё же принадлежит искусству, как бы она накладна ни была карману» [Анненков 2005: 108]. Одно несомненно, — делает вывод Анненков в воспоминаниях из тургеневских писем и по собственному опыту, — «освобождение крестьян есть война, а не мир» [Анненков 1983: 459].

Можно заметить, что тема «великого 1861 года» — после первого яркого аккорда — идет в мемуарах вперемешку с историей тургеневской ссоры с Толстым, с рассказом о неприятных потерях Тургенева при издании его сочинений Н. А. Основским [Анненков 1983: 451–456], с объяснением запутанных отношений владельца Спасского с управляющим имением, его дядей Н. Н. Тургеневым [Анненков 1983: 459–460]. В летних тургеневских письмах этого года «крестьянская» тема соседствует с подробностями деревенского быта писателя, охоты, с его

впечатлениями от новой «лающей, рыкающей литературы» [Анненков 1983: 463, 466]. Одним словом, историческое событие, данное в потоке других жизненных явлений совсем иного масштаба, теряет высокое звучание. Вероятно, такое построение воспоминаний имело целью «приглушить» пафос темы, подчеркнуть ущербный характер реформы.

Одновременно с великим событием случилась счастливая перемена в жизни Анненкова — 22 февраля 1861 г. состоялась его свадьба [Анненков 1093: 446]. Отклик Тургенева на это событие, который явно в публичность не годился, Анненков решил включить в воспоминания: «Слава Богу! Свил себе человек гнездо, вошел в пристань — не все мы, стало быть, ещё пропали! То, о чем я иногда мечтал для самого себя, что носилось передо мною, когда я рисовал образ Лаврецкого — свершилось над Вами, и я могу признать всё, что дружба имеет благородного и чистого, в том светлом чувстве, с которым я благословляю Вас на долгое и полное счастье. Это чувство тем светлее, чем гуще ложатся тени на собственное моё будущее; я это сознаю и радуюсь бескорыстию своего сердца». Предлагая читателю это задушевное тургеневское письмо, Анненков заметил: «Пусть упрек в нескромности падет на меня, но скрыть одну черту его характера я не мог» [Анненков 1983: 455]. Возможно, Анненков имел в виду не только «бескорыстие сердца» Тургенева. В этом же письме Тургенев объяснил своё отношение к «делу» издателя Основского, отказ участвовать в протестах против этого «придавленного» человека, который оказался «разорен и опозорен»; слова Тургенева Анненков выделил курсивом: «Я никогда не позволил бы себе осудить окончательно человека бездоказательно» [Анненков 1983: 456].

Воспоминания Анненкова заканчиваются разговором о романе «Отцы и дети», над которым Тургенев, по собственным признаниям, работал «усердно, долго, добросовестно» [Анненков 1983: 466], главным образом, в летние месяцы 1861 г. в своем Спасском. Получив в сентябре от Каткова в Москве рукопись, Анненков «в два дня проглотил роман», признав его «грандиозным созданием» [Анненков 1983: 468], и изложил своё мнение о романе в письме к Тургеневу в Париж [Анненков 2005: 109–112]. Замечания Анненкова отчасти были учтены Тургеневым¹. В воспоминаниях Анненков почти дословно

¹ О роли Анненкова в окончательном оформлении романа см.: [Жекулин 1998: 3–15].

изложил свой спор с Катковым о романе «Отцы и дети». Катков увидел в Базарове «апофеозу радикализму»: «Как не стыдно Тургеневу было спустить флаг перед радикалом и отдать ему честь, как перед заслуженным воином. <...> Подумайте только, молодец этот, Базаров, господствует безусловно надо всеми и нигде не встречает себе никакого дельного отпора. Даже и смерть его есть еще торжество, венец, коронующий эту достославную жизнь, и это, хотя и случайное, но все-таки самопожертвование» [Анненков 1983: 468–469]. Ещё до публикации романа («Русский Вестник» 1862, №2) определились, пишет Анненков, два полюса в его восприятии. «Одни осуждали автора за идеализацию своего героя», другие, напротив, упрекали Тургенева «за антилиберальный дух», какой они чувствовали в образе Базарова. По словам Анненкова, «время обнаружило, что обе точки зрения были одинаково несостоятельны»: лучшее, совершеннейшее творение Тургенева явилось художественным отражением целой эпохи [Анненков 1983: 470].

«Шесть лет переписки с Тургеневым» Анненков готовил тщательно, изучая собственный богатый архив. Летом 1884 г. он последний раз побывал в России. В конце сентября 1884 г. в письме к Стасюлевичу Анненков сожалел: «С горем вспоминаю, что я в Питере не видал двух лучших его обитателей — Пыпина и Кавелина. Всё откладывал до завтра, а на завтра очнулся в Берлине. Со мной это бывает по старческой ветрености. Впрочем надеюсь напомнить о себе Пыпину статьёй, которая, может статься, будет ему любопытна и совершенно свободна от всякой ереси...» [Стасюлевич: 432]. Анненков беспокоился, насколько уместным был *тон* его записок о любимом друге и знаменитом писателе, «прилично ли <...> всё то разоблачение, которое я произвожу над ним» [Стасюлевич: 431]. Анненков был благодарен сотрудникам редакции за постоянную поддержку, в которой он очень нуждался: «...я собственно только и работаю для Стасюлевича и Пыпина и никого другого не имею в виду, всего менее Каткова и Суворина. Эти люди сделали себе мнение о Тургеневе и не расстанутся с ним <...>. Но у Тургенева есть потомство, которого ему бояться нечего» [Стасюлевич: 436].

В письме из Берлина от 1 декабря 1884 г. Анненков сообщил Стасюлевичу, что половина статьи переписана и он надеется за декабрь ее закончить. «Если найдете, что слишком много сказано об истории

с Некрасовым, то ослабьте, а главное — умиротворите А. Н. Пыпина. Нельзя же к остатку своей жизни — всё играть в жмурки, как я делал — увы — до сих пор»; «Не знаю, прав ли я, но я остаюсь ею доволен — никогда не писал я так откровенно и горячо» [Стасюлевич: 433]. Однако, отсылая Стасюлевичу в январе 1885 г. «запутанное писание» — рукопись статьи «Шесть лет переписки», Анненков признается: «...я нахожусь в совершенном неведении, что они представляют из себя — скучное ли повторение всем известных фактов или любопытную оценку событий, в которых вращался Тургенев?» [Стасюлевич: 434]. Подобные сомнения Анненкова звучали и прежде, совершенно искренне, — по поводу его поздних пушкинских работ, по поводу мемуаров о Гоголе, о «Замечательном десятилетии», о Писемском. Эти сомнения не были знаком неуверенности Анненкова в своей позиции; он тщательно проверял все факты, учитывал все доступные источники. Сомнения Анненкова связаны с его убеждением, что любой текст не является истинной в последней инстанции, тем более, если в центре внимания автора была *творческая личность*.

О третьем периоде жизни Тургенева Анненков не успел написать полностью, издав только статью «Из переписки с И. С. Тургеневым в 1860-х годах» («Вестник Европы», 1887, №1–2).

Перерыв в два года между появлением в печати второй статьи и третьего очерка воспоминаний возник по причине работы Анненкова с тургеневским архивом. В феврале 1885 г. Анненков получил в Париже от г-жи Виардо русскую переписку Тургенева для разбора ее, по воле писателя. Весь следующий год Анненков читал, просматривал письма — «по объему нечто в роде цепи Юнгфрау или Индейских гор» [Стасюлевич: 438]. По словам Анненкова, для г-жи Виардо вся эта громадная масса русской корреспонденции Тургенева должна была «казаться мраморными колоссальными обломками, испещренными неизвестными ей письменами» [Стасюлевич: 439]. Письма Анненкова к Стасюлевичу 1885 г. позволяют понять, какую громадную нагрузку он выдержал [Стасюлевич: 440–444]. В итоге он сообщил, что бумаги, полученные из Парижа, содержали «возы глупостей», но он обрел в этих бумагах и «обильную жатву для внутренней литературной нашей истории» [Стасюлевич: 449]; воспользоваться этими материалами Анненков уже не смог: «...смерть Тургенева сломила меня, приходится сводить итоги» (из письма от 14 мая 1886 г.) [Стасюлевич: 446].

В письмах Анненкова к Стасюлевичу 1880-х гг. немало откликов на литературные события, на общественную деятельность редактора «Вестника Европы». «Вы по-прежнему воюете с Министром [гр. Д. А. Толстой] и одерживаете над ним победы, которые обрушиваются на Вас в виде придирок и притеснений, — пишет он в мае 1885 г. — Но на это нечего обращать внимания. <...> Господь за Вас» [Стасюлевич: 438]. «Читал протест Губернатора об издержках Думы на похороны Тургенева, — пишет Анненков 17 (29) октября 1883 г. — Храбрый это генерал, который не щадит своего имени, и отдает его на позор людям (Петербургский градоначальник — Грессер, прим. М. К. Лемке). Что всего более изумляет меня — это пренебрежение к доброй славе своего имени, которое у нас господствует. <...> Все спрашивают — в недоумении — отчего без всякой причины падает наш курс? <...> Я держусь того мнения, что цинизм безнравственности, заявляемый открыто и поминутно, играет тут большую роль» [Стасюлевич: 420].

Последние письма Анненкова к Стасюлевичу печальны. Все известия Стасюлевича из области литературы «не хорошего запаха», они «сулят могилы — кажется, литературу русскую мы похоронили с Тургеневым» [Стасюлевич: 445].

Любопытный штрих к портрету Тургенева обнаружил Анненков, сообщая Стасюлевичу о своих «отчетах» г-же Виардо по содержанию писем просителей, «которых легион»: «Представьте, есть и такие, которые рекомендовали ему воспользоваться премией, кажется, “Нивы” за лучшую повесть, посидеть дня два-три и полученную премию выдать как пособие просителю. Вы думаете, Тургенев был возмущен наглостью просителя. Нимало. Он отыскал его и облагодетельствовал» [Стасюлевич: 445–446]¹.

В письмах Анненкова к Стасюлевичу зашла речь и о рассказе “Une fin” — о «предсмертной повести, продиктованной Тургеневым смесью французского языка с немецким и даже итальянским» [Стасюлевич: 439]. Г-жа Виардо передала ее для Стасюлевича по-французски и объяснила запиской ее происхождение, надеясь на публикацию: «M-me Viardot уже намекала мне о гонораре, — сообщал Анненков редактору в июне 1885 г., — это женщина добрая, но и цифровая по преимуще-

¹ О безграничной щедрости Тургенева, о его помощи начинающим писателям, русским эмигрантам, всем “потерянным” в чужом мире просителям см.: [Лебедев: 517–519].

ству. Она не позволяет шутить ни с собой, ни с тем, что, по ее мнению, ей следует, но вместе понимает и принимает к сведению соображения ответчика» [Стасюлевич: 440]. Стасюлевич отказался и от повести, и от записки г-жи Виардо, — это его решение Анненков признал правильным: нельзя принимать на страницы журнала после лучших произведений Тургенева — «то, чему сам редактор не верит, в чем сомневался ещё до появления рукописи» [Стасюлевич: 441]. Отношение лично Анненкова к этому факту было иное: «Что же касается до моего мнения, то ведь я слепой поклонник всего тургеневского производства, даже до суеверия. Так например чепуха, которую Вы так метко уловили в разъяснениях г-жи Виардо — мне кажется, ещё свидетельствует, что она была инструментом в руках автора и писала под его диктовку, не очень разумея то, что делает» [Стасюлевич: 441]. Поэтому Анненков, понимая решение Стасюлевича, просит переслать *оба* документа В. П. Гаевскому: г-жа Виардо «в бытность мою в Париже просила его <...> заняться этим делом и пристроить ее рукопись» [Стасюлевич: 441]¹.

Третий мемуарный очерк Анненкова «Из переписки с И. С. Тургеневым в 1860-х годах» («Вестник Европы», 1887, №1–2) не был включен в книгу «Литературные воспоминания» (1983): по словам автора комментария, он представлял собою «просто публикацию писем с короткими повествовательными связками» [Долотова: 614]. Однако эта статья существенно дополняет образ Тургенева: личность писателя овещается здесь «сама собой, своим внутренним огнем», как писал Анненков, формулируя требования к автору биографического повествования [Анненков 1983: 58]. Письма Тургенева, включенные в третий мемуарный очерк, содержат новые краски к его портрету, обозначают новые моменты в его творческом развитии. Кроме того, драгоценен сам факт публикации тургеневских писем и в третьей и во второй статье, так как воспоминания Анненкова в «Вестнике Европы» стали единственным их источником: подлинники писем не сохранились. Исследователи предполагают, что тургеневские материалы, в частности письма, которые хранились у дочери Анненкова Веры Павловны, пострадали при бомбардировке Дрездена в ночь с 13 на 14 февраля 1945 г. [Жекулин 2005: 283].

¹ Рассказ в переводе Д. В. Григоровича был опубликован в журнале «Нива» 1886, №1. Текст рассказа «Une fin» и комментарий к нему см.: [Тургенев Сочинения 13: 365–392; 727–730].

Анненков начинает третью мемуарную статью небольшим вступлением, связывая новую публикацию с заключительной темой второй статьи — с горячими спорами вокруг романа «Отцы и дети». «Критики и толки, вызванные “Отцами и детьми”, долгое время производили удручающее впечатление на Тургенева» [Анненков 1887: 5]. Темное состояние души Тургенева передают три письма 1862 г., открывающие очерк. Первое из них написано в апреле 1862 г. по возвращении из Лондона в Париж: «...ох, какая безжалостная мельница — жизнь! — Так людей и превращает в муку? — спросите вы. Нет, просто в сор. Но всё это иносказательно». Принято считать, что эти слова передают потрясение Тургенева от встречи в Лондоне с М. Бакуниным, вернувшимся «с того света» после 14 лет казематов и ссылки, сбежавшим из Сибири [Лебедев: 457–459]. Но реплика в письме к Анненкову отвечала и душевному состоянию Тургенева. Такое настроение не располагало к творчеству: «... ни за какую работу пока не принимался — чувствую, что теперь в течение года могу писать только сказки. Я одну задумал и даже начал. Сказками я называю личные, как бы лирические, шутки <штуки >¹, в роде “Первой любви”» [Анненков 1887: 6].

«Очевидно, — пишет Анненков, — и поездка в Англию не совсем развлекала Тургенева» [Анненков 1887: 6]. За этой фразой можно услышать невысказанные Анненковым размышления о впечатлениях Тургенева от встреч с Герценом и Бакуниным. В двух следующих письмах (одно из них написано до поездки в Лондон) раскрываются личные и общероссийские причины мрачного тургеневского настроения. 25 марта (6 апреля) 1862 г. Тургенев, перечислив полученные им разноречивые отзывы об «Отцах и детях», писал из Парижа Анненкову: «Дела происходят у вас в Петербурге — нечего сказать! Отсюда это кажется какой-то кашей, которая пучится, кипит <...>, а там внизу, как черный фон картины, народ-сфинкс...» [Анненков 1887: 6]. Безрадостные, удручающие события в Петербурге усиливали ощущение душевной опустошенности, неизбежное после завершения большого труда: «...если бы вы знали, как я состарился, отяжелел и опустился! — Последние 15 лет промелькнули как сон; я никак не могу понять, каким образом мне вдруг стало 43 года и как это я очутился

¹ В академическом издании писем Тургенева слово “шутки” признали ошибочным в журнальной публикации.

каким-то, почти чужим мне самому, стариком?» [Анненков 1887: 7]. В письме от 12 июля 1862 г. из Спасского Тургенев заметил: «А тяжел пришелся России ее 1000-й год! <...> Никогда ещё я, такой *темный* и *тайный* приверженец правительства, как вы знаете — с таким волнением не глядел издали на нашего Государя, от которого, можно сказать, теперь все зависит. Дай Бог ему удержаться неизбежно на единственно спасительном пути!» [Анненков 1887: 8]. Анненков, видимо, из осторожности, не включил в статью письмо Тургенева, тоже из Спасского, от 8 (20) июня 1862 г. с описанием петербургских пожаров, хотя оно объясняет тургеневское отношение к событиям: «Приехал я в Петербург в самый Троицын день, накануне грозного пожара, истребившего Апраксин двор, Министерство внутренних дел и т. д. — и пробыл там четыре дня, видел и пожар, и народ вблизи, слышал толки... и можете себе представить, что перечувствовал и передумал. Эти безумия, эти злодеяния, весь этот хаос — что же тут можно выразить в письме!» [Тургенев. Письма 5: 11]. Хлынувшие на Тургенева пересуды о романе «Отцы и дети» («тоже своего рода хаос») по-иному были восприняты писателем в свете пожаров: «Эта повесть попала в настоящий момент нашей жизни, словно масло на огонь <...>. Я во всяком случае не раскаиваюсь, хотя большая часть молодежи на меня негодует; я даже имею смелость думать, что я принес пользу» [Тургенев. Письма 5: 12]. Эти не прозвучавшие в очерке впечатления Тургенева от событий в Петербурге летом 1862 г. подготавливают его выводы в письме, процитированном в публикации: «Мое старое литературное сердце дрогнуло, когда я прочел о прекращении “Современника”. Вспомнилось его основание, Белинский и многое...<...> Неизвестность о том, действительно ли участвовали “агитаторы” в поджогах — мучительна; темные намеки, попадающиеся в газетах, раздражают и волнуют ещё более. Это — безумие, это — бессмысленное самоистребление, это — преступление, наконец. Право, я не могу теперь без трепета распечатывать ни одного пакета с журналами. Вот до чего мы дожили, вот куда должна была прийти неизбежная реакция против 30-летней тьмы!» [Анненков 1887: 8]. Размышления Тургенева о российском обществе после «30-летней тьмы» интонационно напоминают мотивы романа «Дым», над которым скоро писатель начнет работать: «Общество наше, легкое, немногочисленное, оторванное от почвы, закружилось, как перо, как пена; теперь оно готово отхлынуть или отлететь за тридевять земель от той

точки, где недавно еще вертелось; а совершается ли при этом, хотя неловко, хотя косвенно, действительное развитие народа, этого никто сказать не может» [Анненков 1887: 8]. Достойную авторскую оценку получил в письме роман «Отцы и дети»: «Что касается до моего последнего произведения: “Отцы и Дети”, я могу только сказать, что стою сам изумленный перед его действием; и не то что радуюсь — радоваться тут особенно нечему — а в первый раз серьезно доволен своим делом, хотя мне иногда сдается, что я тут — сторона, а всю эту штуку выкинул какой-то другой, которому это было нужно, и которому я с моим романом попался под руку. Но и это счастье. “Отцы и Дети” скоро появятся в Москве отдельным изданием (Кетчер за это взялся), с посвящением Белинскому» [Анненков 1887: 8].

Это письмо из третьего мемуарного очерка Анненкова содержит важную тургеневскую мысль о роли автора в создании романа «Отцы и дети», об отсутствии субъективного подхода к теме: «Мне иногда сдается, что я тут — сторона, а всю эту штуку выкинул какой-то другой, ... которому я с моим романом попался под руку». Эта фраза подтверждает вывод Анненкова о природе тургеневского таланта, прозвучавший в финале первой статьи «Молодость Тургенева», об осмыслении писателем своего назначения — «служить зеркалом, в котором отражаются здоровые и болезненные черты родины» [Анненков 1983: 393]. Возможно, поэтому Тургенев, добиваясь безупречной чистоты «зеркала», дорожил замечаниями и рекомендациями Анненкова, доверяя полностью его художественному чутью. Это удивительное сотворчество художника и его друга-критика — достаточно редкое явление в русской литературе. Анненков был литературным советником Тургенева «на предпоследнем этапе творческой работы», между черновым и беловым автографами или в корректуре, при подготовке произведения к печати [Жекулин 1998: 14].

Несколько новых штрихов к портрету Тургенева содержится и в других публикациях третьего очерка. Официальный вызов Тургенева в Сенат в связи с «Делом 32-х», обвиняемых «в сношениях с лондонскими пропагандистами», обсуждается в нескольких письмах, включенных в статью. Тургенев недоумевает, почему его общение «с товарищами молодости, которые находятся в изгнании», и с которыми «давно и окончательно разошлись в политических убеждениях», может вызывать подозрение правительства (письмо от 25 января 1863 г.).

«Да и какой я политический человек? Я — писатель, как я это представил самому Государю, — писатель независимый, но добросовестный и умеренный писатель, — и больше ничего» [Анненков 1887: 12].

Интересны тургеневские оценки собственных сочинений этих лет и его отклики на литературные новинки. В письме от 10 октября (28 сентября) 1863 г. Тургенев, отвечая Анненкову на его мнение о повести «Призраки», признался: «Что касается до фантазии, то я даже дрогнул, прочтя слово: “автобиография”, и невольно подумал, что когда у доброго лягавого пса нос чуток, то ни один тетерев от него не укроется, в какую бы он ни забился щазу. Тетерев, разумеется, я» [Анненков 1887: 14]. Анненков, с его чутьем, услышал в повести «Призраки» «историю художнической души», высоко оценив красоту этого «*автобиографического* очерка» [Анненков 2005: 141]. Он не сомневался, что повесть публике покажется странной, вызовет насмешки, что в «Искре» появится карикатура на «автора, летающего по поднебесью». Но десяток человек поймут, сколько здесь «жизненности, душевной исповеди, грусти и теплоты», — ради них и надо печатать фантазию. Нельзя же спокойно переносить «смрадный запах» современной беллетристики: «Вот время — Чернышевского безобразия, Писемского безобразия, Крестовского безобразия: публика купается в безобразиях, а те, у кого есть светлые вещи, кроются с ними. Нет, надо печатать “фантазию”» [Анненков 2005: 142].

Во вступлении ко второй части третьего очерка, куда вошли письма Тургенева 1865–1866 гг., Анненков подчеркнул особое оживление в эти годы литературной жизни: «...в эту эпоху появились или начали появляться такие произведения как «Преступление и наказание» Достоевского, «Война и мир» гр. Л. Н. Толстого; ходили слухи о новых драмах Островского («Дмитрий Самозванец») и гр. Алексея Толстого («Смерть Иоанна Грозного»). В это же время Тургенев готовил свой роман «Дым», вышедший в 1867 г. [Анненков 1887: 461]. Отметил Анненков и перелом в это двухлетие в нашей политической жизни, усиление реакционных настроений в правительстве. Знаковым событием этих лет Анненков назвал реформу в нашем законодательстве о печати («Временные правила о печати»), вступившие в действие с 1 сентября 1865 г.).

Анненков не успел написать в третьем очерке свои комментарии к переменам в общественной жизни России 1865–1866 гг. Но письма

Анненкова к Тургеневу содержат характеристику этих перемен, вполне допустимо судить по ним о близости в умонастроении друзей.

Ироничный тон Анненкова в письме к Тургеневу от 25 ноября (7 декабря) 1865 г. помогает передать обстановку смуты, неразберихи в общественной жизни России — в банковской сфере, на бирже, в торговле, в политике, в литературе: «...мы теперь живем с такой судорожной быстротой, с какой положительно ни в одном углу Европы не живет. А происходит это от простой причины. Начиная с первого министра до последнего мужика никто не знает, что теперь позволено и что запрещено. Можете представить — какой из этого происходит спектакль. Журналист, поджигатель, молодая Грузия, разбойник, чиновник, Дворянское собрание, Земская управа, латыш, остзейский барон, студент, плясунья, офицер — все пробуют, что может сойти с рук в нынешнее время. Администрация поминутно бросается в середину всех их, сама не зная хорошенько, кто из них в законе и кто по своей собственной дорожке идет, останавливает одного и тут же позволяет другому улететь далее первого, наносит удары и тотчас же раскаивается в них, сама получает пощечины и принимается бить того, кто ее защищал. Словом образовались колоссальные жмурки, сопровождаемые, как и следует, необычайной бегогней, неслыханным движением, туманом...». И эта характеристика, заключает Анненков, «не есть фантазия» [Анненков 2005: 178–179].

В письме от 15(27) декабря 1865 г. Анненков в своей иронической манере дает картину парадоксальных последствий «Временных правил о печати»: отмена предварительной цензуры изданий, казалось бы, даровала свободу печати, но за слишком вольные публикации издатель мог оказаться под судом, а издание после трех предостережений закрывали навсегда.

«Печать переживает кризис, которого и не ожидала со свободой. Предостережения и отдачи под суд дождем сыплются. “Современник”, получивший уже два предостережения, просился назад в цензуру. Отказали. Будь свободен — хочешь не хочешь. <...> Дело в том, что вдруг потребовалась новая небывалая обязанность от публициста и писателя — размышлять о своих словах и думать о всех последствиях своих слов. Кто же когда думал об этом и как к этому приучаться со свободой, которая, по мнению самого образованного русского человека и самого пьяного русского мужика, в том и заключается, чтоб ни о чем

не думать. К этому ещё и другое требование, не менее нелепое, вышло на свет — именно желают образовать журнальный, полемический и политический тон, который не походил бы на революционный и памфлетный, каким пишется вся текущая литература у нас, а где эдакого тона найти. Нет его, да и только. А между тем говорят — пиши и говори, что хочешь и о чем хочешь, только сочини для этого особенный тон. Как сочинить, когда о таком тоне ни отцы, ни деды понятия не имели и когда в душе писателя, кроме ярого либерализма и хмельных фраз ничего другого не обретается. Вот какая шутка разыгралась с печатью, благодаря новому уставу. Тон, где ты? Тон — спаси!» [Анненков 2005: 179–180].

«Все это, государь мой, наша конституционная сыпь, отличная от всех известных сыпей тем, что как ее ни вгоняют внутрь, она все лезет наружу» (из письма от 4(16) марта 1866 г.) [Анненков 2005: 186].

Анненков явно спешил напечатать свой последний очерк, он был уже очень болен и отобрал для публикации самое ценное — письма Тургенева, в основном литературного содержания.

В письме к Тургеневу от 25 января (6 февраля) 1865 г. Анненков одобряет предполагаемый «жизненный маршрут» своего друга, его намерение приехать в Петербург и Россию после свадьбы дочери, ибо «беда случится» с теми, «кто долго воздерживается» от встреч с Отечеством: «Бог отбирает от них всякое чутье правды, действительности и реальности...» [Анненков 2005: 167]. Тургенев подтверждает слова Анненкова в письме из Парижа от 31 января (12 февраля) 1865 г., включенном в третий очерк: «...действительно плохо писателю долго не видать отечества; но в таком случае есть одно верное средство не провираться — а именно: молчать» [Анненков 1887: 464], и вскоре обещает выслать ему отрывок «Довольно», — «...этот вздор я едва осилил»; по прочтении его «мои читатели, вероятно, воскликнут: “действительно довольно!”» [Анненков 1887: 465]. Анненков, как всегда, откровенно высказал свои впечатления о новом сочинении Тургенева: «...и у Вас мало таких ярких и очаровательных картин, как воспоминания первой половины рассказа; вторая его половина, по временам, глубока, но имеет несчастье походить на мрачную католическую проповедь». «...Надо иметь непременно 55 лет, одышку, запор и водянку, чтобы усвоить себе все впечатления этой второй половины, как должно, а написано все мастерски» [Анненков 2005: 171]. «...Действительно, я кажется конец пе-

ресолил, — согласился Тургенев (это письмо включено в очерк). — Но дело в том, что я задумал эту штуку в тяжелое время, а окончил ее в эпоху сравнительно приятную <...>. Все равно, переделывать теперь некогда, да и не для чего — пусть отправляется так, как есть» [Анненков 1887: 467].

Тургенев в письме от 12 февраля (31 января) 1865 г. просит подписаться от его имени на «Русское Слово», «в котором, как говорят, Писарев за меня сражается с “Современником”»: «Пришлите мне в Баден какую-нибудь его статью об этом интересном предмете» [Анненков 1887: 464]. По поводу Писарева Анненков ответил Тургеневу в письме от 4 (16) октября 1865 г.: сообщая о наслаждениях «свободой цензуры», он отмечает: «Оказывается в самой нашей крови нет ничего противоцензурного, хотя и есть много нелепого». Самая чудовищная нелепость, появившаяся как раз к открытию свободы, — статьи, объявившие Пушкина «кретином, идиотом, развратителем общества и часто бессмысленным версификатором. Статьи принадлежат любимому вашему Писареву, которому, по слухам, вы преподнесли экземпляр своих сочинений нового издания. Счастливец, если это правда, но не стоит — разве уж что в крепости сидит» [Анненков 2005: 175–176]. Статья Писарева «Пушкин и Белинский» вышла в двух частях в «Русском слове» (1865, №4 и 6); Тургенева эти статьи возмутили.

В письме от 19 декабря 1865 (1 января 1866) г. Тургенев просит выслать сочинения А. Слепцова: «У этого юноши больше таланта, чем у всех остальных “молодых”» [Анненков 1887: 469]. Правда, вскоре уточняет: «Что за бедность и пустота содержания, а талант есть» [Анненков 1887: 470]. «Получил “Воеводу” Островского, прочел, умилился (за исключением чепухи а la Barbe Blue в 5-м акте) и хочу написать ему мой восторг» [Анненков 1887: 468].

В этом же письме Тургенева к Анненкову от 1 апреля (20 марта) 1865 г. — его короткий отклик на роман Л. Толстого «Тысяча восемьсот пятый год», первые две части будущей «Войны и мира»: «Прочел также роман Л. Н. Толстого и почувствовал... Этак нельзя, нельзя, нельзя» [Анненков 1887: 468]. Анненков «в объяснение такого восклицания и предшествующего ему многоточия» приводит на этой же странице в примечании «слова Тургенева в его письме к Я. П. Полонскому три года спустя» от 6 (18) марта 1868 г.: «Роман Толстого — вещь удивительная;

но *самое слабое* в нем — именно то, чем восторгается публика: историческая сторона и психология. История его — фокус, битые тонкими мелочами по глазам; психология — капризно-однообразная возня в одних и тех же ощущениях. — Все бытовое, описательное, военное — это первый сорт, и подобному Толстому мастера у нас не имеется» [Анненков 1887: 468].

К теме прозы Толстого Тургенев возвращается ещё раз, рассказывая Анненкову в письме от 8 марта (24 февраля) 1866 г., какая с ним «случилась странная вещь»: «Я рекомендовал г-же Виардо для чтения на русском языке (вместе со мною) “Детство” Толстого, как произведение в своем роде классическое. Стал я читать — и вдруг убедился, что это пресловутое “Детство” — просто плохо, скучно, мелкотравчато, натянуто — и устарело до невероятности. Открытие это меня огорчило — стало быть, и это мираж? И когда же конец миражам? — Или, может быть, я устарел и оупел?» [Анненков 1887: 473]. Огорчение Тургенева связано, вероятно, с тем, что изменилось его отношение к творческой манере Толстого, — прежде он давал восторженные оценки его таланту в первых повестях, они прозвучали в его переписке. Анненков в качестве комментария вновь в примечании отсылает читателей к своей сноске на письмо Тургенева к Я. Полонскому о романе Толстого. Но письма Анненкова и Тургенева 1850-х гг. содержат более точные объяснения тургеневской реакции 1866 г. на «Детство» Толстого. В письме Анненкова к Тургеневу от 25 января (6 февраля) 1857 г. прозвучало «общее» мнение о трилогии Толстого, в связи с повестью «Юность», напечатанной в «Современнике»: «“Юность” Толстого восхищает здесь всех, но с одной *общей* оговоркой — несколько растянута и менее поэзии и свежести, чем в первых частях. По мне, однако ж, просто изумительно, как много мыслил этот человек о нравственности, добре и истине — и с каких ранних пор. <...> В последнее время я пришел к такому убеждению, что между нами нет лица, более *нравственного*, чем Толстой. Он способен к героизму внутренней честности или, по крайней мере, понимает ее в героических размерах» [Анненков 2005: 55]. Тургенева смущала особенность психологизма Толстого в его сочинениях, пристальное внимание его к процессу “чувствования”, ко всем оттенкам душевного состояния своих героев. Даже при общении с ним Тургенев слышал «скрып и треск его внутренней возни», как писал он Анненкову из Парижа 16 (28) февраля 1857 г., сообщая

о встрече с Толстым и радуясь встрече [Тургенев. Письма 3: 88]. В декабре 1857 г. Тургенев из Рима пишет Толстому: «Вы хотите во всем полноту и ясность — и хотите всё это тотчас. Вы беспрестанно щупаете пульс своим отношениям с людьми и собственным ощущениям: всё это мешает гладкому и легкому течению дня» [Тургенев. Письма 3: 169]. По мнению Тургенева, «метаться из стороны в сторону» — значит мешать своему главному делу, спокойной литературной работе. Уже в 1850-е гг. определяется собственный путь Толстого в литературе, который кажется Тургеневу отступлением от призвания. Он затронул и эту тему в том же письме: «Боткин мне очень хвалил начало Вашего Кавказского романа <«Казачи»>. Вы пишете, что очень довольны, что не послушались моего совета — не сделали только литератором. Не спорю, может быть, Вы и правы, только я, грешный человек, как ни ломаю себе голову, никак не могу придумать, что же Вы такое, если не литератор: офицер? помещик? философ? основательного религиозного учения? чиновник? делец? Пожалуйста, выведите меня из затруднения и скажите, какое из этих предположений справедливо». Правда, тут же Тургенев меняет интонационную окраску: «Я шучу — а в самом деле, мне бы ужасно хотелось, чтобы Вы поплыли, наконец, на полных парусах» [Тургенев. Письма, 3: 170]. В декабрьском письме 1857 г. Анненкову из Рима Тургенев откликается на известие о лесных затеях Толстого: «Оказывается, что он лесовод», «Вот человек! с отличными ногами непременно хочет ходить на голове» [Тургенев. Письма, 3: 175]. Тургенев вернулся к теме литературного призвания в январском письме 1858 г. к Толстому, объяснив свой совет быть только литератором: это значит — быть специалистом, профессионалом, обрести художественную силу, исключить дилетантизм; «дилетантом быть — значит быть бессильным». «До сих пор в том, что Вы делали — всё ещё виден дилетант, необычайно даровитый, но дилетант» [Тургенев. Письма, 3: 188]. Вряд ли Толстой прислушивался к советам и размышлениям Тургенева, его творческий дар был совершенно самобытным. Анненков, рассказывая в своей первой мемуарной статье о встрече Тургенева с Толстым зимой 1855 г., отметил оригинальный ум молодого автора, «сектантский ум по преимуществу», то есть замкнутый в себе, независимый от внешних источников: «Он искал пояснения всех явлений жизни и всех вопросов совести в себе самом, не зная и не желая знать ни эстетических, ни философских их пояснений, не признавая никаких традиций, ни

исторических, ни теоретических»; его занимали поиски «жизненной правды и простоты и здравосмысленности существования» [Анненков 1983: 390–391].

И в третий раз Анненков отсылает в примечании к тому же тургеневскому высказыванию об особенностях психологизма Толстого в связи с откликом Тургенева в письме от 6 апреля (25 марта) 1866 года на продолжение романа «1805 год»: «мелкота и какая-то капризная изысканность отдельных штрихов — и потом это вечное повторение той же внутренней возни: что, мол я трус или не трус? и т.д. Странный исторический роман!» [Анненков 1887: 474].

Более точное объяснение тургеневского отношения к роману «Война и мир» содержится в его статье «По поводу «Отцов и детей»: роман Толстого для Тургенева — «печальный пример отсутствия истинной свободы»; «без правдивости, без образования, без свободы в обширнейшем смысле — в отношении к самому себе, к своим предвзятым идеям и системам, даже к своему народу, к своей истории, — немислим истинный художник; без этого воздуха дышать нельзя» [Тургенев. Сочинения 14: 107–108]. Толстовскую философию истории, его объяснение причин и характера войны 1812 г., его решение темы народа в романе Тургенев считает нарушением художественной правды, которая достигается только свободой от любых систем и предвзятых идей. При этом Тургенев считает, что «по силе творческого, поэтического дара» роман «Война и мир» стоит едва ли не во главе всего, что явилось в европейской литературе с 1840 года» [Тургенев. Сочинения 14: 107]. Подобная двойственность оценки прозвучала и в письмах Тургенева. В письме к И.П. Борисову от 27 февраля (10 марта) 1868 г. о первых трех томах «Войны и мира» Тургенев писал: «Я с великим наслаждением прочел роман Толстого — хотя многим не совсем остался доволен. Вся *бытовая* сторона (и военная) удивительна: есть тут вещи, которые не умрут, пока будет существовать русская речь. Но вся историческая сторона — извините за выражение — кукольная комедия. Не говоря уже о том, что настоящего воспроизведения эпохи и помина нету; что мы узнаем об Александре, Сперанском и пр., как только самые мелочи, капризно выбранные автором и возведенные в характерные черты? Это своего рода шарлатанство: публика, которой с таким эффектом подносятся эти «острые носки Александровских сапогов» и т.п., невольно должна подумать, что автору самые личности должны

быть у! как хорошо известны — коли он даже мелочи такие знает... а автору, вероятно, только такие мелочи и знакомы. Прочтите очень умную (хотя, по обыкновению, несколько темноватую) статью Анненкова по поводу романа Толстого в «Вестнике Европы» («Исторические и эстетические вопросы в романе Л. Толстого «Война и мир» — «Вестник Европы, 1868, №2). И настоящего развития характеров нет — все они подвигаются вперед прыжками — а зато есть бездна этой старой психологической возни («что, мол, я думаю? что обо мне думают? Люблю ли я или терпеть не могу? и т.д.) — которая составляет положительно мономанию Толстого. Но со всем тем — в этом романе столько красот первоклассных, такая жизненность, и правда, и свежесть — что нельзя не сознаться, что с появления «Войны и мира» — Толстой стал на первое место между всеми нашими современными писателями» [Тургенев. Письма, 7: 76].

В письме к Анненкову от 13 (25) апреля 1868 г. о 4-м томе романа: «Много там прекрасного, но и уродства не оберешься! Беда, коли автодидакт, да ещё во вкусе Толстого, возьмется философствовать: непременно оседлает какую-нибудь палочку, придумает какую-нибудь систему, которая, по-видимому, всё разрешает очень просто, как например исторический фатализм, да и пошел писать! Там, где он касается земли, он, как Антей, снова получает все свои силы: смерть старого князя, Алпатыч, бунт в деревне, всё это — удивительно» [Тургенев. Письма, 7: 122]. Эти и многие другие тургеневские письма подтверждают суждения Анненкова об отношении Тургенева к роману «Война и мир» и к особенностям художественного мира Толстого.

В последнем письме третьего очерка от 26 октября (7 ноября) 1866 г. Тургенев сообщает Анненкову о романе «Дым»: «Работа моя подвигается — и если не встретится каких-нибудь неожиданных препятствий, я привезу ее с собой готовой. Господь ведает, что такое у меня выходит — я так давно не писал, что <...> чувствую себя новичком. А впрочем, что будет, то будет. Это у меня все — сбоку припёка» [Анненков 1887: 476].

Завершая статью, Анненков упоминает о публикации «Дыма» в «Русском Вестнике», о разладе Тургенева с московской редакцией: «С 1868 года и до самой своей смерти в 1883 году он печатал свои произведения исключительно в Петербурге» [Анненков 1887: 477].

* * *

Воспоминания Анненкова о Тургеневе — уникальное явление в мемуарной литературе о писателе — прежде всего, по причине имени мемуариста. Друг и единомышленник Тургенева, вкусу и художественному чутью которого полностью доверял писатель, Анненков в течение многих лет был в переписке с ним. Он был свидетелем первых литературных опытов Тургенева в 1840-е гг. и в дальнейшем — первым читателем почти всех тургеневских произведений.

Воспоминания Анненкова привлекают вниманием к нравственному миру Тургенева, к его «психическим» (от греческого *психея*) особенностям, помогают понять характер, строй души одного из лучших художников России. Мемуары Анненкова близки к литературной биографии писателя: это история развития личности художника и его таланта. Анненков следует главному принципу повествования в биографическом жанре, который он принял, работая над пушкинской биографией, над воспоминаниями о Гоголе: понимать особенности личности героя, его живой характер, «смотреть прямо в лицо герою своему и иметь доверенность к его благодатной природе» [Анненков 1983: 58]. Мемуарист обозначил переломные вехи жизни Тургенева его произведениями: «Рудин» завершил период молодости писателя, время его исканий. Тургенев почувствовал свою роль в истории Отечества и русской литературы, — «служить зеркалом, в котором отражаются здоровые и болезненные черты родины; но для этого необходимо было держать зеркало в надлежащей чистоте» [Анненков 1983: 393]. Базаров и роман «Отцы и дети» завершил период тургеневской жизни, о котором шла речь во второй мемуарной статье Анненкова — «Шесть лет переписки с И. С. Тургеневым 1856–1862»; Базаров «был истинный представитель своей эпохи» [Анненков 1983: 475]. Важнейшей вехой третьего периода развития Тургенева стал роман «Новь», опубликованный в 1877 г., воссоздавший «замечательную страницу из истории внутреннего быта России»; «поэтически-реальное» изображение героев времени содержит «картину их волнений, страданий и надежд» [Анненков 1983: 476]. Анненков отмечает в тургеневских романах «художественное провидение, свойственное одним одаренным натурам» [Анненков 1983: 475]. Тургенев «шел своей дорогой, рассыпая по пути такие ценные цветы, как «Ася», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Первая любовь» [Анненков 1983: 475–476]. О третьем периоде тургеневского творческого

пути Анненков не успел написать полностью, его письма к Тургеневу дополняют последнюю мемуарную статью.

Мемуары Анненкова привлекают своей сдержанной манерой изложения, «это воспоминания-размышления, воспоминания-постижения» [Фридлянд: 7]. Автор не навязывает своё понимание событий; главная роль в них принадлежит Тургеневу, герою воспоминаний. Годы близости с Тургеневым позволили Анненкову воссоздать в воспоминаниях образ своего друга, передать особенности художественного мира писателя, лирическую выразительность и актуальность его произведений: «Вы в литературе нашей представляете олицетворенное чутьё современности» [Анненков 2005: 54].

Воспоминания Анненкова о Тургеневе подтверждают близость их воззрений: и Тургенев, и Анненков — западники, сторонники умеренного либерализма и европейского пути развития России; высшей ценностью для каждого была внутренняя свобода. Идеализации личности Тургенева нет в мемуарах Анненкова. Образ Тургенева в воспоминаниях Анненкова привлекателен не потому, что западник пишет о западнике, а по причине позиции мемуариста: сочувствие, полное доверие, любовь к своему герою. Можно ли выяснить степень объективности воспоминаний — жанра, субъективного по своей природе?

Анненков видит в Тургеневе гармоничную личность русского художника-европейца, гуманистические идеалы которого воплотились в его произведениях. Судьба Тургенева рассматривается Анненковым в контексте исторических событий, важным документальным источником мемуариста становятся тургеневские письма. Анненков — тонкий, чуткий наблюдатель — передает тургеневское понимание политических событий времени, проблем общественной жизни; улавливает оттенки отношений Тургенева с современниками, сближения и расхождения с коллегами по литературе, подчеркивая его верность собственной природе, его чувство современности, пушкинскую основу его мировосприятия.

Список литературы

- Анненков П. В.* Из переписки с И. С. Тургеневым в 1860-х годах // Вестник Европы. 1887. Т. 1. №1, 2. С. 5–29; 461–477.
- Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М.: Худ. лит, 1983. 694 с.
- Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу. Кн. 1. СПб: Наука, 2005. 532 с.
- Егоров Б. Ф.* П. В. Анненков // Борис Егоров. Избранное. Эстетические идеи в России XIX века. СПб.: Летний сад, 2009. С. 232–282.
- Долотова А. М.* Комментарии к очеркам «Молодость И. С. Тургенева. 1840–1848» и «Шесть лет переписки с И. С. Тургеневым. 1856–1862» // Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.: Худлит, 1983. С. 614–638.
- Елизаветина Г. Г.* Комментарии к очерку «Замечательное десятилетие. 1838–1848» и «Две зимы в провинции и деревне...» // Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.: Худлит, 1983. С. 571–613, 647–653.
- И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Переписка И. С. Тургенева с Полиной Виардо и ее семьей. М.: Правда, 1988. 560 с.
- Жекулин Н. Г.* Добросовестный очевидец. Материалы для биографии П. В. Анненкова // Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу. Кн. 1. СПб: Наука, 2005. С. 260–283.
- Жекулин Н. Г.* П. В. Анненков и «Отцы и дети» // Русская литература. 1998. №1. С. 3–15.
- Зайцев Б. К.* Жизнь Тургенева // Зайцев Б. К. Жуковский. Жизнь Тургенева. Чехов. М.: Дружба народов, 1994. С. 185–356.
- Кулишов В. И.* П. В. Анненков — мемуарист // Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.: Худ. лит, 1983. С. 5–32.
- Лебедев Ю. В.* Жизнь Тургенева. Всеведущее одиночество гения. М.: Центрполиграф, 2006. 607 с.
- Мостовская Н. Н.* История одной дружбы. Переписка П. В. Анненкова с И. С. Тургеневым // Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу. Кн. 1. СПб: Наука, 2005. С. 284–298.
- Стасюлевич М. М. и его современники в их переписке: в 5 т / под ред. М. К. Лемке. СПб: Тип. М.Стасюлевича, 1912. Т. 3. С. 292–451.
- Тургенев И. С.* Полное собр. соч. и писем: в 28 т. Письма в 13 т. М.-Л.: Наука, 1960–1968.
- Тургенев И. С.* Полное собр. соч. и писем: в 28 т. Сочинения в 15 т. М.-Л.: Наука, 1960–1968.
- Фридлянд В. Г.* Жизнь для искусства // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Переписка И. С. Тургенева с Полиной Виардо и ее семьей. М.: Правда, 1988. С. 5–33.

References

Annenkov P. V. *Iz perepiski s I. S. Turgenevym v 1860-kh godakh* [From the correspondence with I. S. Turgenev in 1860 years]. *Vestnik Evropy* [Messenger of Europe], 1887, Vol. 1, №1, pp. 5–29; №2, pp. 461–477. (In Russ.)

Annenkov P. V. *Literaturnye vospominaniia* [Literary memoir]. Moscow, Khud. Lit Publ., 1983, 695 p. (In Russ.)

Annenkov P. V. *Pis'ma k I. S. Turgenevu* [The letters to I. S. Turgenev]. Kn. 1. Vol. 1, S-Peterburg, Nauka Publ., 2005, 533 p. (In Russ.)

Dolotova A. M. *Kommentarii k ocherkam «Molodost' I. S. Turgeneva. 1840–1856» i «Shest' let perepiski s I. S. Turgenevym. 1856–1862»* [Commentary at articles «The youth of I.S. Turgenev. 1840 — 1856» and «Six years of the correspondence with I.S. Turgenev. 1856 — 1862»]. Annenkov P.V. *Literaturnye vospominaniia* [Literary memoir]. Moscow, Khud.lit. Publ., 1983, pp. 614 — 638. (In Russ.)

Elizavetina G.G. *Kommentarii k ocherku «Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848» i «Dve zimy v provintsii i derevne...»* [Commentary at articles «The remarkable decade. 1838–1848» and «Two winters in the province and in the country. January 1849–August 1851»]. Annenkov P. V. *Literaturnye vospominaniia*. [Literary memoir]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1983, pp. 57–613, 647–653. (In Russ.)

Zhekulin N. G. *Dobrovestnyy ochevidets. Materialy dlia biografii P. V. Annenkova* [Conscientious eye-witness. Materials for biography of P. V. Annenkov]. Annenkov P. V. *Pis'ma k I. S. Turgenevu* [The letters to I. S. Turgenev], Vol. 1, S-Peterburg, Nauka Publ., 2005, pp. 260–283. (In Russ.)

Zhekulin N. G. *P. V. Annenkov i «Ottsy i deti»* [P. V. Annenkov and «Fathers and children»]. «*Russkaia literature*» [Russian literature], 1998, №1, pp. 3–15. (In Russ.)

Zaycev B. K. *Zhizn' Turgeneva* [The life of Turgenev]. Zaycev B.K. Zhukovskiy. Zhizn' Turgeneva. Chehov. Moscow, Druzhba narodov. Publ., 1994, pp. 185–356. (In Russ.)

Kuleshov V. I. *P. V. Annenkov — memuarist* [Annenkov-memoirist]. *Annenkov P. V. Literaturnye vospominaniia* [Literary memoir]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1983, pp. 5–32. (In Russ.)

Lebedev Iu. V. *Zhizn' Turgeneva. Vsevedushchee odinochestvo geniia* [The life of Turgenev. Omniscient loneliness of genius]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2006, 607 p. (In Russ.)

Mostovskaia N. N. *Istoriia odnoi druzhby. Perepiska P. V. Annenkova s I. S. Turgenevym* [The history of one friendship. The correspondence of P. V. Annenkov with I. S. Turgenev]. Annenkov P. V. *Pis'ma k I. S. Turgenevu* [The letters to I. S. Turgenev]. Vol. 1, S-Peterburg, Nauka Publ., 2005, pp. 284–298. (In Russ.)

Stasiulevich M. M. *i ego sovremenniki v ikh perepiske, v 5 t.* [Stasyulevich M. M. and his contemporaries in their correspondence, in 5 vols.] ed by M. K. Lemke. S-Peterburg, Tip. M. Stasiulevicha Publ., 1912, Vol. 3, pp. 292–451. (In Russ.)

Turgenev I. S. *Polnoe sobr. soch. i pisem: v 28 t. Pis'ma v 13 t.* [Complete works and letters in 28 vols. Letters in 13 vols]. M.-L.: Nauka Publ., 1960–1968. (In Russ.)

Русская литература XVIII и XIX столетий

Н. А. Лобкова. Из истории публикаций воспоминаний П. В. Анненкова ...

Turgenev I. S. *Polnoe sobr. soch. i pisem: v 28 t. Sochineniia v 15 t* [Complete works and letters in 28 vols. Works in 15 vols]. M.-L.: Nauka Publ., 1960–1968. (In Russ.)

Fridliand V. G. *Zhizn' dlia iskusstva. I. S. Turgenev v vospominaniakh sovremennikov. Perepiska I. S. Turgeneva s Polinoi Viardo i ee semei* [Life for art. I. S. Turgenev in the memoirs of contemporaries. Correspondence of I. S. Turgenev with Polina Viardot and her family]. M.: Pravda Publ., 1988, pp. 5–33. (In Russ.)